

藏

В
Ш
А
М
Б
А
Л
У

В
О
З
Н
Е
С
Е
Н
И
Е

В
С
Е
В
О
Л
О
Д
О
В
Ч
И
Н
И
К
О
В

Всеволод Овчинников

Вознесение в Шамбалу. Своими глазами.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4985898

Вознесение в Шамбалу/ Всеволод Овчинников: АСТ, Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-070087-5, 978-5-271-31465-0

Аннотация

Всеволод Владимирович Овчинников – журналист-международник, писатель, много лет проработавший в Китае, Японии, Англии. С его именем связано новое направление в отечественной журналистике – создание психологического портрета зарубежного общества.

Творческое кредо автора: «убедить читателя, что нельзя мерить чужую жизнь на свой аршин, нельзя опираться на привычную систему ценностей и критериев, ибо они отнюдь не универсальны, как и грамматические нормы нашего родного языка».

Автор, первый из россиян, побывавший в Тибете; в 50-х и 90-х годах он провел в загадочной Шамбале сто дней. В 1955 году он беседовал с Далай-ламой, когда тот еще был верховным правителем горного края; посетил школу астрологии и медицины, где ламы совершенствуются в искусстве ясновидения и прорицания.

В книге «Своими глазами» автор поделился личными впечатлениями о разных странах, чтобы читатель смог ощутить атмосферу каждой из них.

Содержание

От автора	4
Вознесение в Шамбалу. Сто дней под небом Тибета 50-х и 90-х	5
Малиновые снега под чернильным небом	5
Золотые лампы Поталы	5
Колесо жизни	7
Заповедник Средневековья	9
Путешествие в Средние века	12
Мир заоблачных высей	12
Охотник за леопардами	14
На улицах Лхасы	18
Чай у далай-ламы	21
Человек презираемой касты	23
Ярмарка в долине Дам	26
К дальним стойбищам	29
В роли первооткрывателя	32
Шигатзе – резиденция панчен-ламы	35
Выплеснувшееся озеро	37
Гьянтзе – ворота в Гималаях	41
Из времен Марко Поло в XXI век	43
Сорок лет спустя	43
Дом Церина и Чодрон	44
Ламы на самофинансировании	45
Самый молодой ректор	46
Вернется ли далай-лама?	47
Союз знания и праведности	48
Своими глазами. Путевые заметки о двух дюжинах стран пяти	53
Континентов	
Переплетенные корни	53
Новая Зеландия	55
Самая дальняя даль	55
Овечье царство	56
Гейзеры и киви	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Всеволод Владимирович Овчинников

Вознесение в Шамбалу. Своими глазами

От автора

Список моих двадцати книг открывает тема Тибета. Возможность «вознестись в Шамбалу» дважды – в 50-х и в 90-х годах – считаю подарком судьбы. В 1955 году я стал первым россиянином, которому посчастливилось проехать в Тибет по только что проложенной туда автомобильной дороге, встретиться с далай-ламой в Лхасе и с панчен-ламой в Шигатзе.

Четыре десятилетия спустя тот же путь потребовал не трех недель пути в тряском джипе, а всего двух часов полета. Однако на четвертый день пребывания в Лхасе меня госпитализировали с острым отеком легких из-за высокогорной болезни. Повторить подвиг собственной журналистской юности оказалось делом рискованным. Пришлось вспомнить назидательную японскую пословицу: «Кто ни разу в жизни не поднимался на вершину Фудзи, тот дурак. Но кто вздумал сделать это дважды, тот дважды дурак...»

Впрочем, судьба оказалась ко мне милостивой. Местные врачи за неделю поставили на ноги. И я успел своими глазами убедиться, что хотя Тибет во многом изменился, он остался Тибетом. Перестав быть заповедником средневековья, он сохранил свой уникальный колорит.

Прочитав эту книгу, вы узнаете, почему в Тибете сохранилась такая своеобразная форма брака, как многомужество. Почему покойников там не хоронят, а скармливают стервятникам. Вы узнаете, как ламы-врачеватели открывают своим ученикам «третий глаз», дабы увеличить их способности к ясновидению.

В книге «Своими глазами» собраны путевые дневники, которые я много лет надиктовывал на пленку во время зарубежных поездок. Эти личные впечатления очевидца не касаются политических проблем, зато помогают ощутить атмосферу каждой страны, особенно ее быта и традиций, рассказывают об ее исторических памятниках. А камни прошлого, как говорил Рерих, – это ступени в будущее.

Думая о композиции книги, я решил начать с самых дальних краев к востоку от Москвы, а кончить самыми дальними на запад от нее – то есть расположить заметки в виде воображаемого кругосветного путешествия через двадцать четыре страны – от Новой Зеландии до Перу.

Через всю книгу лейтмотивом проходит мысль о том, что корни различных культур и цивилизаций тесно переплетены. Несмотря на отсутствие реактивных самолетов, телевидения и Интернета, народы с глубокой древности общались и влияли друг на друга гораздо больше, чем мы нынче можем предположить.

Вознесение в Шамбалу. Сто дней под небом Тибета 50-х и 90-х

Малиновые снега под чернильным небом

Золотые лампы Поталы

Непривычно темное, чернильно-лиловое небо, малиновые снега на вершинах гор. Неожиданно убеждаешься в реалистичности картин Николая Рериха. Сознаешь, что сказочно-былинный колорит его гималайских полотен – это явь Тибетского нагорья, одного из самых труднодоступных мест на земле. Именно здесь, по преданиям, скрыта загадочная Шамбала – обитель мудрости, где земная жизнь может вступить в соприкосновение с высшим разумом небес.

В 1955 году мне довелось первым из россиян проехать Тибет на автомашине по только что проложенной туда дороге – через четырнадцать горных хребтов, через верховья великих азиатских рек – Янцзы, Меконга, Брахмапутры. И вот я снова на «крыше мира». Благо по воздуху путь от Чэнду до Лхасы занимает уже не три недели, а всего два часа. Рейсовые самолеты приземляются тут на рассвете, пока еще дремлют воздушные вихри над горами. И сразу же возвращаются обратно.

Ну а я, осторожно дошагав до машины (при разреженном воздухе высокогорья любое энергичное движение тут же отдается лихорадочным стуком сердца), отправляюсь из аэропорта в Лхасу.

Сто километров пути. И вот я снова стою как зачарованный перед бело-красным фасадом дворца Потала. словно подчеркивая его устремленность к небесам, над золотыми кровлями парит бумажный змей. И тут в памяти вспыхивает встреча с далай-ламой 14 сентября 1955 года.

Водрузив мне на шею хата – почетный снежно-белый шарф, – высший иерарх ламаизма сказал:

– Бумажный змей над дворцом – знак большой осенней луны, когда тибетцы отмечают праздник урожая, купаются в горячих источниках, собирают целебные травы. Это лучшая пора, чтобы оказаться здесь не только в первый, но и во второй раз...

Мог ли я тогда предположить, что судьба вновь забросит меня в Тибет как раз в сороковую годовщину этого разговора – буквально день в день. Чудеса, да и только! Лишь теперь, перечитывая «Шамбалу сияющую» Рериха, я заново осознал фразу о том, что личные покои каждого далай-ламы во дворце Потала, по традиции, принято расписывать фресками о его предстоящей жизни. Неужто способность заглядывать за горизонт времени действительно существует?

Своим суровым величием дворец Потала был бы способен доминировать над любой современной столицей. Какой же благоговейный трепет вызывает он у тибетского паломника, прожившего всю жизнь в палатке из ячьей шерсти! Трудно поверить, что этот тринадцатизэтажный комплекс из 999 дворцовых помещений был возведен на крутой скале еще в VII веке. В отличие от большинства знаменитых архитектурных ансамблей Востока композиция Поталы развернута как бы в вертикальной плоскости. Дворец открывается взору сразу весь, целиком. Его стены скошены, как грани усеченной пирамиды. Они словно повторяют лейтмотив окружающей природы: контуры горных склонов. Эта особенность врезалась мне

в память еще в прошлый раз. Теперь же, изрядно поездив по свету, хочу отметить и другое: поразительное сходство тибетской национальной архитектуры с историческими памятниками доколумбовой Америки. Например, с такими сооружениями народа майя, как Ушмаль на территории нынешней Мексики, или с таким творением инков, как Мачу-Пикчу в Перу.

К тому же зодчеством дело не ограничивается. Одежда, быт, даже этнические черты нынешних обитателей Анд и полуострова Юкатан как бы подтверждают гипотезу о том, что Америка была заселена выходцами с Тибетского нагорья, которые пересекли Берингов пролив по перешейку, некогда соединявшему его берега. Не случайно своим внешним видом тибетцы прежде всего напомнили мне американских индейцев, знакомых по романам Купера и Майн Рида. Резко очерченные лица; горделивая осанка людей, привыкших носить оружие; присущая не только женщинам, но и мужчинам любовь к украшениям (перстням, серьгам, браслетам). В этом смысле тибетцы чем-то напоминают цыган – кстати сказать, тоже выходцев из Азии, из Индостана.

Впрочем, о том, что корни национальных культур различных народов с давних пор глубоко переплетены, есть много бесспорных свидетельств. В самой древней части Поталы – пещерном молитвенном зале – можно увидеть статуи тибетского царя Сронцзан Гамбо и его жены – китайской принцессы Вэнь Чэн. Впервые объединив населявшие нагорье племена, этот царь основал династию Тубо (от названия которой, видимо, и произошло слово Тибет) и попросил у китайского императора Тайцзуна руку одной из его дочерей.

Во времена династии Тан китайская столица Чанань была одним из центров мировой цивилизации, началом Великого шелкового пути в Среднюю Азию, на Ближний Восток и в Европу. И неудивительно, что принцесса Вэнь Чэн привезла с собой ученых и умельцев, которые положили в Тибете начало многим наукам и ремеслам. Именно с той поры связал соседние народы «чайный путь», который служит для жителей нагорья жизненно важной артерией вот уже более тринадцати столетий.

Дворец, построенный в честь бракосочетания тибетского царя с китайской принцессой, восхищает строгой гармонией линий и благородным сочетанием цветов – золотого, белого и красного. Кровли из листового золота. Беленые стены и красновато-бурые, как запекшаяся кровь, карнизы из выкрашенного охрой камыша. Возведенная в VII веке Потала была сожжена ударом молнии, а затем почти полностью разрушена во времена Ландармы – противника ламаизма. Но в XVII веке при пятом далай-ламе дворец восстановили по сохранившимся фрескам, и в своем нынешнем виде он существует 350 лет.

Внутри Потала впечатляет прежде всего мрачной массивностью. Крутые лестницы со стертыми каменными ступенями. Узкие, как бойницы, окна в стенах метровой толщины. Низкие потолки опираются на четырехгранные деревянные колонны, покрытые резьбой. В центральной, «красной» части дворца рядом с личными покоями далай-ламы находятся погребальные ступы его предшественников. В самой большой из них покоится пятый далай-лама. Внимание привлекает матовый зеленовато-желтый металл, которым покрыта эта пятнадцатиметровая бутылка, украшенная драгоценными камнями. Листовое высокопробное золото!

Из него же сделаны и расставленные вокруг огромные лампы. По размеру они больше похожи на купели, ибо в каждую входит по два-три ведра топленого масла. За сутки в тибетском монастыре его сгорает несколько десятков вьюков – груз целого каравана. Жирная копоть оседает на балках перекрытий, делает скользким каменный пол, сгущает неотвязный запах, который господствует в этом краю повсюду, – запах прогорклого ячьего масла. Тибетцы жгут его в лампадах, заваривают с ним кирпичный чай, мажут им лица, чтобы защитить кожу от солнца и ветра.

С плоской крыши Поталы хорошо видно, как безликие здания современной постройки обступают историческую часть Лхасы, ядром которой служит храм Джокан. Царь Сронц-

зан Гамбо возвел его в 648 году специально для статуи Шакьямуни, привезенной из Китая принцессой Вэнь Чэн. Тогда же он объявил государственной религией буддизм и повелел создать тибетскую письменность для перевода его канонических книг. По преданию, эта фигура Шакьямуни возникла сама собой из золотых слитков и имеет портретное сходство с юным Буддой. Основание статуи скрыто под грудой пожертвованных храму драгоценных камней. Их лучше сторожевых собак охраняют черные коты. Они бесшумно появляются из мрака и впиваются в горло тому, кто дерзнет протянуть руку к сокровищам.

Фигуры двух ланей, обрамляющие «колесо жизни», сверкают на золотой кровле монастыря Джокан. Перед входом в него разрослась священная ива. Тут всегда можно видеть паломников, совершающих обряд «простирая ниц».

В первом месяце по тибетскому календарю на площади перед Джоканом проводится десятидневная церемония великого богослужения, учрежденная еще в 1409 году. На нее собирается свыше ста тысяч паломников. Много их тут и в обычные дни. Нигде, пожалуй, так остро не ощущаешь, сколь сильны религиозные чувства тибетцев, сколь важную роль в ламаизме играет идея о том, что «жизнь нынешняя есть следствие прошлой и причина будущей».

Колесо жизни

Ламаизм не требует от мирянина знания священных текстов. Штудировать 108 томов Кангиура – дело монахов. Верующему достаточно повторять одну-единственную фразу: «Ом мани падме хум», то есть «Будь благословен рожденный из лотоса». Причем даже эти четыре слова можно твердить как бы символически, если вращать по часовой стрелке барабан, на котором они написаны. Ряды таких латунных цилиндров на вертикальной оси тянутся вдоль стен Джокана, образуя первый из трех священных кругов Лхасы. Вторым служит улица Палкхор, опоясывающая храм снаружи. И наконец, третий – девятикилометровая улица Лингкор – огибает всю древнюю часть города, включая и дворец Потала.

Само движение по этим кругам равнозначно молитве, если паломник повернут к святыне правым плечом. Ибо вращение по ходу солнца символизирует круговорот времени, причинно-следственную связь прошлого, настоящего и будущего. Вечное вращение «колеса жизни» олицетворяет и свастика. Нацисты считали Тибет прародиной арийской расы. Но примечательно, что они сделали своей эмблемой не буддийский символ, а знак обратного движения. И позаимствовали его из языческой тибетской религии бон, прозванной в народе «черной верой», религией тьмы.

Богомолыцы шагают по священным кругам Лхасы, крутя молитвенные вертушки. Не парадокс ли: веками обходиться в быту без колеса, пользуясь им лишь для молитвы! Впрочем, есть и более впечатляющий способ выражать религиозный экстаз. Паломник воздевает руки над головой, сводит их перед грудью, опускается на колени и распластывается по земле. Затем делает несколько шагов до места, куда дотянулись его руки, и снова падает ниц. Чтобы сделать круг по улице Лингкор, нужно совершить до пяти тысяч таких падений. (Чтобы не стереть в кровь кожу, надевают наколенники и нечто вроде рукавиц.) А ведь есть подвижники, меряющие телом свой путь из дальних окраин Тибета. Прежде они добирались сюда таким способом даже из Монголии, Непала, Бутана.

Второй священный круг Лхасы – улица Палкхор – самая красочная часть города, доньяне сохранившая его средневековый колорит. Это типичное торжище у храма, сплошной базарный ряд. Возможно, это и первая в мире улица с односторонним движением, хоть и без соответствующих знаков. Ибо поток людей движется тут строго в одну сторону, обтекая рассеявшихся посреди дороги нищих, юродивых, монахов, нанятых кем-то читать сутры, и перешагивая через множество дремлющих в пыли бездомных собак. Обычай требует: идти

правым плечом к святыне. Стоило мне обернуться назад, чтобы сфотографировать не спины, а лица, как это вызвало недовольные взгляды.

Впрочем, останавливаться у лавок и вести отчаянный торг по обычаям восточного базара отнюдь не возбраняется. А торгуют на Палкхоре всем, что может понадобиться тибетцу, что производят здешние ремесленники, скотоводы, земледельцы. Священные книги, отпечатанные с досок в лхасских монастырях. Серебряные украшения из Шигатзе. Ковры из Гьянтзе. Кинжалы в чеканных ножнах из Дэгэ. Бронзовые фигурки Будды, портреты далай-ламы и костяные четки. И здесь же желтеет то, что куда больше, чем трехведерные золотые лампы Поталы, воплощает собой в Тибете мерило богатства – круги ячьего масла. А вот и сами яки. В соседнем переулке караванщики из дальних кочевий ждут для них покупателей.

Як, если его описать в двух словах, – это медведь с головой коровы и хвостом лошади. Нельзя представить себе жизнь тибетца без этого животного. Испокон веков як был главным транспортным средством, ибо грузы перевозились только вьюками. Тибетский земледелец пашет на яках свое поле, а потом пускает по нему борону из ячьих рогов. Ячье молоко и мясо служат главной пищей скотоводов. Даже кости яка хранят на черный день под слоем камней: из них можно потом сварить суп. Из ячьей шерсти вяжут веревки, ткнут полотнища для палаток. А как прожить в Тибете без аргала, лепешек сухого ячьего навоза, смешанного с соломой, – единственного топлива в этом краю!

На аргале кипятят часуйму – кирпичный чай с маслом и солью, который согревает и подкрепляет, а заодно смазывает пересохшие губы. Часуймой же, в свою очередь, заваривают цамбу, заменяющую тибетцам хлеб. Насыпают в деревянную чашку горсть муки из прожаренного ячменя, подливают чаю, размешивают пальцами это крутое рассыпчатое тесто и едят его сырым. Тепло тут настолько драгоценно, что печь хлеб или лепешки оказалось бы для жителя нагорья неразрешимой задачей.

Национальная одежда тибетцев – чуба – шьется из домотканого сукна или овчины. Может быть, отсюда и пришло к нам через монголов слово «шуба»? Как и японское кимоно, тибетская чуба кроится с большим запасом по ширине и длине. Она, стало быть, годится для человека любого роста и комплекции. Подпоясываясь, тибетец подтягивает полы чубы до колен. Так что выше талии образуется большой напуск, где можно хранить все, что может понадобиться в течение дня: миску для часуймы, огниво, четки, кинжал.

Особенности высокогорья с его температурными контрастами выработали и своеобразный способ носить чубу. Днем тибетец обычно снимает ее с правого плеча, закинув пустой рукав за спину. В пылу работы может высвободить и обе руки. Но подул ветер – и одежда, чтобы закрыться от холода, у горца всегда под руками в самом прямом смысле слова.

Суровой природой высочайшего в мире нагорья порождены и многие другие своеобразные черты образа жизни его обитателей. Тибет, к примеру, – это край, где нет ни кладбищ, ни отдельных могил. Исключение – надгробный курган царя Сронцзан Гамбо и нескольких его потомков. Забалзамированные мощи покойных далай-лам и панчен-лам хранятся в золотых ступах, украшающих молельные залы ламаистских святынь. В остальных же случаях похороны в Тибете означают не «предание земле», а «предание небу». В окрестностях Лхасы, неподалеку от монастыря Сера, мне показали огромный валун, где совершается это таинство.

Тело, завернутое в белую ткань, доставляют туда перед рассветом. Зажигают костер из сухих листьев, политых смесью ячьей крови и масла. Столб дыма привлекает гигантских грифов, которые тут же слетаются с окрестных гор. Профессиональные «членители трупов» рассекают тело надвое – от темени до копчика. Пернатым хищникам дают выклевывать обе половины черепа, скармливают им внутренности покойника, затем мясо и, наконец, истолченные и смешанные с тестом кости. На мокром от утреннего тумана камне остается лишь

несколько кровавых пятен. Насытившиеся валькирии тяжело взмахивают крыльями и улетают. Раз от умершего ничего не осталось – значит, он благополучно переселился на небо.

Почему именно такая форма похорон стала доминирующей в Тибете? Конечно, рыть могилы в здешнем скалистом грунте трудно, а при отсутствии какого-либо топлива, кроме кизяка, кремация обходилась бы слишком дорого. Но, кроме этих практических причин, тут, безусловно, сказалась и религиозная философия. По мнению буддистов, смерть есть рождение, переход на иной уровень бытия. И, стало быть, умершее тело должно быть принесено в дар другим формам жизни.

Тибет – одно из немногих мест на земле, где издавна существовала традиция многомужества. Объясняется это прежде всего экономическими причинами. Для бедных семей (что тут скорее правило, чем исключение) – это способ сохранить под родительским кровом всех сыновей, заплатив калым лишь за одну невестку. А главное – избежать раздела семейного имущества, что сулило бы разорение большинству тибетцев. Итак, принято женить лишь старшего сына, наследующего отцовский надел или пастбище. Младшие сыновья по мере того, как они подрастают, тоже присоединяются к этому браку. Естественной считается и связь свекра с невесткой. Вопрос об отцовстве никогда не встает. Есть лишь общая мать, ибо все дети в семье рождаются из одной утробы. А когда мальчики станут юношами, им опять-таки возьмут одну жену на всех.

Групповой брак может иметь и другую форму. Когда у состоятельных родителей есть несколько дочерей и ни одного сына, им сватают общего мужа. Но в этом случае зятя усыновляют, а матерью всех внуков считается старшая дочь. Если же замуж выходит вдова, то ее дочери становятся женами своего отчима, однако их дети все равно считаются потомством хозяйки дома.

Традиции многомужества и безбрачие монахов издавна создавали в Тибете избыток женщин при нехватке мужчин. Это вызывало обостренную конкуренцию между девушками и сформировало в обществе благосклонное отношение к добрачным связям. Если незамужняя тибетка беременеет, отец ребенка трудится в ее семье две недели до и две недели после родов. Затем родители девушки с благодарностью провожают его и причисляют младенца к собственным детям.

Многие тибетки носят ожерелье из нанизанных на ремешок серебряных монет. Принято считать, что каждая из них – любовный сувенир. Если монет мало – значит, девушка не пользуется вниманием мужчин и сосватать ее трудно. Знакомство же с чужестранцем, видимо, особенно ценится, ибо обозначается в таком монисте коралловым шариком. Не зря Марко Поло заметил в своей книге, что отправляться в Тибет нужно молодым.

Заповедник Средневековья

Стою на верхней площадке Потады и складываю в уме два числа: 117 метров – высота дворца на холме, 3660 метров – высота Лхасы над уровнем моря. Стало быть, оказавшись здесь, я как бы снова поднялся на Фудзи – самую большую гору Японии. А ведь работающих там метеорологов японцы почитают прямо-таки как героев: полгода вокруг снега, зимой многодневные бураны, постоянно дает о себе знать разреженный воздух. В Тибете же такие места считаются низиной. Скотоводы кочуют гораздо выше Лхасы – на 4000–4500 метров.

С севера и юга Тибетское нагорье огорожено неприступными хребтами. Полсотни вершин вознесены тут природой более чем на 7000 метров. Пять пиков – восьмитысячники, среди которых мировой рекордсмен – Джомолунгма. Не удивительно, что в отрезанных от мира и друг от друга селениях время словно замедляло свой бег. Попав в Тибет в 1955 году, я почувствовал себя перенесенным в средневековье. Монастыри, знать, сановники владели

всеми пашнями и пастбищами. Земледельцы и скотоводы находились у них в крепостной зависимости.

Структура населения Тибета была тогда примерно такова: среди миллиона жителей насчитывалось 600 тысяч крепостных земледельцев, 200 тысяч крепостных скотоводов, 50 тысяч ремесленников и торговцев. Седьмую часть населения (150 тысяч человек) составляли ламы. В Тибете было около двухсот знатных семей, но по богатству и власти они далеко уступали духовенству. Владея львиной долей земли, скота, рабочей силы, 2138 монастырей были и материальным и духовным оплотом феодальной системы.

Правители Китая издавна стремились сделать тибетское духовенство своей опорой. Еще в XIII веке, присоединив Тибет к своим владениям, Хубилай-хан пригласил в Пекин главу буддийской секты Сакья, дал ему титул «наставника императора» и поручил управлять тибетскими землями.

Впоследствии главенствующее положение в ламаизме обрела секта «желтых шапок». Ее основатель Цзонхава открыл в окрестностях Лхасы «три великих монастыря» – Ганден, Сера, Дрепан. (Им было разрешено иметь соответственно 3333, 5555 и 7777 монахов.) Чтобы поднять престиж духовенства, Цзонхава укрепил монашескую дисциплину, ввел обет безбрачия.

Но тогда возник вопрос: кто и как должен наследовать верховную власть? Решение было подсказано буддийской догмой о карме, то есть переселении душ. Верующим объявили, что высшие иерархи ламаизма не умирают, а перевоплощаются в младенцев, родившихся в день их смерти. Поскольку кандидатов на эту роль может оказаться много, разработан сложный ритуал отбора. Прежде всего с помощью гадания определяется направление поисков. Потом на новорожденных составляют гороскопы, ищут на их предплечьях и бедрах определенные знаки – свидетельства их прежней жизни. По негласной традиции, ищут среди простолюдинов, ибо избранник из знатной или богатой семьи чрезмерно увеличил бы ее влияние.

После того как младенцы прошли первый отбор, их в трехлетнем возрасте свозят на главный обряд. Претендент должен из тридцати различных предметов безошибочно выбрать девять, принадлежавших покойному далай-ламе, то есть доказать, что он пользовался ими в предыдущем существовании. Если подобного экзамена не выдержал никто, продолжают искать в другом месте. Когда ребенок, в которого переселилась душа далай-ламы, наконец определен, он обретает лишь номинальную власть. Ибо до его совершеннолетия всем заправляет регент. Накануне посвящения в сан юноша две недели постится на воде. Но эта голодовка отнюдь не самое опасное в его судьбе. Лишь пятый, седьмой, девятый и тринадцатый далай-лама пробыли высшими иерархами достаточно долго, чтобы умереть естественной смертью. Для тех, кто рассчитывает стать регентом, есть большой соблазн досрочно «перевоплотить» далай-ламу в младенца, чтобы и дальше вершить дела от его имени.

В середине XVII века пятый перерожденец одержал окончательную победу над своими соперниками и получил от Гошри-хана титул далай-ламы. С тех пор высший иерарх ламаизма стал одновременно верховным правителем края и переселился из монастыря Дрепан во дворец Потала.

Такое соединение духовной и светской власти дожило до китайской революции. Соглашение о мирном освобождении Тибета, подписанное в 1951 году, предусматривало право тибетского народа на районную национальную автономию в рамках Китайской Народной Республики. Вопросы обороны и внешних сношений были объявлены прерогативой Пекина, а Лхасе предоставлена полная самостоятельность в местных делах. В соглашении говорилось, что центральные власти не будут изменять сложившуюся в Тибете политическую систему, функции и полномочия далай-ламы, с уважением отнесутся к религиозным веро-

ваниям, обычаям и привычкам тибетского народа, не станут вносить какие-либо изменения в доходы монастырей.

В 1955 году Тибет предстал моим глазам как нетронутый заповедник средневековья, как некая инсценировка рыцарских романов Вальтера Скотта о временах Крестовых походов.

Путешествие в Средние века

Мир заоблачных высей

Цепи снеговых вершин возвышаются одна над другой, как ступени лестницы, ведущей в заоблачные края. Тщетно ищет глаз черту горизонта. Вот уже много дней мой видимый мир ограничен со всех сторон лишь безмолвными седоголовыми пиками. Однако природа от этого не выглядит однообразной. Она ошеломляет многоликостью, резкостью контрастов. Как в калейдоскопе, сменяются ландшафты, растительные зоны, времена года... То передо мной раскрывается величественная альпийская страна. Темные провалы ущелий, крутые изломы безжизненных хребтов, рассеченная острыми краями скал зеленая одежда предгорий. То мы попадаем в долины с заболоченными озерами и редким покровом высокогорных трав. То за перевалом вдруг открывается взору зубчатая стена леса. И тогда к голосу потоков, бегущих среди гранитных глыб, примешивается давно забытый шум сосен.

Тибетское нагорье поражает масштабами, в которых природа создала это сплетение мускулов земной коры. Все кругом имеет формы и размеры фантастические. И грозный голос рек-водопадов. И облака, которые видишь где-то глубоко внизу. И парящие в небе орлы с двухметровым размахом крыльев. Это величие внушало бы путешественнику ощущение собственной ничтожности, если бы не сама автомобильная дорога. Велик человек, раз он смог победить даже эти вздыбившиеся горы! Вот мысль, с которой встречаешь каждый перевал.

Легко ли представить себе грузовик, движущийся за облаками? А ведь именно такие высоты приходится преодолевать на пути в Тибет. Когда машина крутыми зигзагами взбирается к перевалу, вознесенному за пять тысяч метров над уровнем моря, когда за узкой кромкой дороги сквозь голубоватую толщу воздуха видишь внизу причудливые петли всего сделанного за полдня пути, когда даже моторам не хватает воздуха и вода в радиаторах начинает кипеть при восьмидесяти градусах, нельзя не думать о тех, кто прокладывал эту магистраль.

Путь в Тибет из центральных провинций Китая требовал трех-четырёх месяцев езды верхом по выючным тропам. Дневной переход в двадцать километров считался настолько очевидным пределом, что слово «переход» стало мерой длины. Шоссе, по которому я проехал, позволяет за пару недель покрыть две с половиной тысячи километров, что отделяют административный центр провинции Сычуань, город Чэнду, от сердца Тибета Лхасы. На подступах к Тибету линии горных хребтов и зажатых между ними рек тянутся с севера на юг. А шоссе пришлось прокладывать с востока на запад. Оно проходит через четырнадцать перевалов.

В 1950 году части Народно-освободительной армии Китая, двигавшиеся в Тибет, начали строить эту дорогу, а четыре года спустя она была открыта для движения. Через горные кряжи, через пропиленные реками каменные щели, через рыхлые гряды морен и зыбучие пески проложили строители высокогорную магистраль. Дорога пересекала девственные леса Поми, словно дремлющие в заколдованном сне. Леса, где с ветвей деревьев-богатырей свисают седые бороды мха, а плющ вьет беседки среди поваленных бурями исполинских стволов. Она прошла мимо ледников, опасных своими селями – грязе-каменными потоками. По несколько километров приходится ехать среди серого хаоса валунов и спекшейся земли. Словно рядом остатки населенного пункта, дотла разрушенного бомбардировкой. Временами, чаще всего в конце лета, талая вода выбрасывает из трещин ледника смерзшуюся

пробку наносов. И тогда вниз по склону низвергается похожая на жидкий бетон масса грязи вперемешку с камнями.

Вижу очередной столб с надписью: «Вершина. Перед спуском проверь тормоза». Рядом насыпана груда камней с воткнутыми в нее шестами. Ветер треплет на них выцветшие полотнища с буддийскими письменами. Это молитвенный курган, неизменная примета перевала.

В Тибете сильны поверья о злых духах – обитателях горных вершин, которые якобы посылают болезни и беды на тех, кто отваживается подняться в их владения. Для защиты от них на гребнях перевалов ставят эти флажки с молитвенными текстами. Поднявшись сюда, погонщик каравана по обычаю кладет возле флажка небольшой камешек, принесенный с подножия. Так вырастает курган.

На вершине поневоле вспоминаешь об этих поверьях. Разреженность воздуха чувствуется, даже когда сидишь без движения в машине. Одолевает зевота, хочется сделать глубокий вдох. Мотор приходится студить через каждые полчаса. Во время этих частых остановок я уже не бегая с фотоаппаратом, а молча сижу на своем месте.

Даже в теплое время дня сталкиваешься со своеобразием тибетского климата: солнце печет немилосердно, но стоит шагнуть в тень, как начинает пробирать холод. Таково сочетание сильно разреженного воздуха и высокого солнца тридцатых параллелей. Все это я с первых дней испытываю на себе. По утрам шоферу приходится жечь масляные факелы, чтобы завести мотор после ночного заморозка. Выезжая до света, пробиваем ползущие сверху клочья ледяного тумана. Когда солнце наконец поднимается из-за хребтов, кажется, что его режущий глаза свет, отраженный снегами, струит не тепло, а колючий холод. Но проходит несколько часов, очередная гора остается позади, и вдруг чувствуешь, что полушубок становится тяжелым и неудобным. На обеденном привале уже хочется до пояса умыться у ручья, подставить спину теплым лучам высокого солнца. А к вечеру снова начинают дуть неизменные в Тибете ветры, набегают свинцовые тучи и к месту ночевки добираться продрогшим.

Селения в Тибете обычно расположены в долинах рек, где на клочках земли, очищенных от обломков скал, растет цинко – местный сорт ячменя. Цзамба, как я уже говорил, – мука из пережаренных зерен этого злака – главная пища как в бедной, так и в зажиточной тибетской семье.

От тибетского жилища веет средневековьем. Каждое из них – крепость из неотесанных камней. Маленькие оконца есть лишь наверху, у самого карниза плоской крыши. Постоянная угроза вражеских набегов издавна заставляла людей так строить дома, чтобы все имущество семьи было укрыто за толстыми каменными стенами. Нижний, темный, этаж служит стойлом для скота. Там же складывают незатейливый земледельческий инвентарь. Крутая приставная лесенка ведет наверх, в жилые помещения. Над ним в небольших пристройках на плоской крыше хранится зерно. Оттуда же хозяин с сыновьями может при необходимости отстреливаться от непрошенных гостей.

Солнце прячется за хребет. Перед уходом на покой оно всегда освещает силуэт гор, которые ждут нас завтра: мы все время едем на запад. Волны тумана растекаются по долине, растворяются и тают последние звуки. Только река по-прежнему шумит внизу, но ее шум, к которому ухо привыкает как к тиканью часов, лишь усиливает ощущение вечерней тишины. Последнюю ночь трехнедельного пути провел без сна. Не верилось, что завтра увижу заветный город – мечту стольких путешественников. Сюда с севера, со стороны Монголии и Цинхая, пытался добраться Николай Пржевальский. А с юга, из Индии, – Николай Рерих. Однако ни тому ни другому побывать в Лхасе не удалось.

Лагерь наш оживает задолго до света, когда полоса неба над ущельем еще кажется извилистой звездной рекой. Впереди уже нет гор, и «газик» мчит, как почуявший дом конь. Въезжаем в долину реки Кичу. Рассеченная галечными отмелями на серебристые рукава и притоки, она течет среди лугов и полей желтеющего цинко. Последние километры перед

Лхасой. По обочине шоссе, мимо гигантских статуй Будды, высеченных в скалах, бредут десятки паломников. Как анфилада ворот перед древними дворцами Пекина, выстроились в два ряда горы, словно для того, чтобы подготовить путешественника к чему-то величаво-торжественному.

С волнением вглядываюсь в даль. Заходящее солнце скрыто большой свинцовой тучей. Только небольшой сноп лучей, прорвавшись через невидимое окно, веером падает на золотые кровли здания, как бы возникающие из горы. Потала! На фоне окрашенной сумраком равнины дворец далай-ламы предстает словно в ореоле излучаемого им самим света. Впереди – стальные фермы переброшенного через реку Кичу моста. На противоположном берегу белеют строения. Я въезжаю в Лхасу. Но, прежде чем вести речь об этом священном для ламаистов городе, хочу рассказать о тибетце, с которым удалось провести вместе целый день, когда мы, проделав полпути, разбили лагерь в лесах Поми на востоке Тибета.

Охотник за леопардами

Стоит Цзэдэну подумать о детстве, как в памяти его всплывают всегда одни и те же картины. Заслышав знакомые шаги отца по прибрежной гальке, Цзэдэн с радостным криком кидается навстречу. За Цзэдэном семят младшие братья. Отец возвращается после трехдневной охоты. Его чуба из некрашеной домотканой материи выпачкана в крови. Старое кремневое ружье он держит в руке. За спиной у него болтается еще не высохшая медвежья шкура или олени рога, а то и половина козлиной туши.

Мать отправляется в этот день к соседям, предлагает свежего мяса, а взамен почти всегда приносит цамбу, чай, соль или другие вещи, которых в доме обычно не бывает вдоволь. После еды отец садится плести силки или набивает патроны и рассказывает сыновьям о том, что видел в лесу, какие повадки у зверей, о чем поют лесные птицы. Мальчики, усевшись вокруг, жадно ловят каждое слово отца, глядят его большой охотничий нож, и в глазах у них восторг, желание поскорее стать взрослыми.

И вот Цзэдэн впервые на охотничьей тропе. Он не спускает глаз с отца, старается подражать его движениям. Начинает светать. На всем холодная роса, но они идут босиком.

– Так научись легче ступать, зверя пугать не будешь, – слышит Цзэдэн. – В дождь – другое дело. В дождь хоть обувайся, хоть нет – в лесу все равно шумно.

Отец смолкает и останавливается. Его широкая, нескладная фигура приобретает кошачью гибкость. В просвете среди зелени Цзэдэн видит, как два красавца оленя, раздувая ноздри, топчутся друг возле друга. В стороне стоит самка, спокойно поедая молодые листочки. Отец подает Цзэдэну знак: бери левого. Охотники бесшумно ставят на сошки свои допотопные ружья и тщательно целятся. Выстрелы звучат почти одновременно. Горное эхо повторяет их. Лес отвечает хлопаньем крыльев, встревоженными голосами птиц, треском сучьев. Видя, что его олень, вскинув голову, падает на передние ноги, Цзэдэн трясет ружьем и оглашает воздух радостным кличем. Дорого же обходится ему неопытность! Упав на землю, зверь успевает обломать оба своих молодых рога. Опьянев от радости, Цзэдэн не замечает, что отец сразу же после выстрела хватается своего оленя за голову и держит его, пока животное не перестает биться в судорогах.

– Эх ты, зверобой! – говорит отец. – Сколько раз тебе говорил: весной вся цена оленя в пантах. Ну да ладно, и мясо пригодится. А наперед знай: зверь чувствует, что бьют его из-за рогов, и всегда норовит обломать их перед смертью.

Это объяснение, слышанное отцом от деда, кажется Цзэдэну вполне убедительным. И еще одна картина детства встает перед глазами Цзэдэна. Плачет мать. Притихли, забившись в угол, братья. Больной отец лежит на кошке и хрипит. Хрип этот страшный. Непонятная тревога охватывает Цзэдэна, он долго лежит с открытыми глазами. В горле у отца

нарыв. Дышать ему все труднее, мать уже два раза ходила молиться в монастырь, отнесла туда последнюю медную утварь. Больше в доме ничего ценного не осталось. Но проходит несколько дней, болезнь усиливается, и нарыв прорывается внутрь. В дом заглядывает смерть.

Теперь Цзэдэн едет в монастырь. Ламы говорят, что молитвы не могли помочь отцу. Небо послало ему наказание за то, что он убил слишком много живых существ и не искупил своих грехов. Цзэдэн кивает головой. Да, верно. Охотятся почти все в селении, но боги на них не гnevаются: за каждого убитого зверя люди шлют в монастырь подношения. А что мог послать отец? Мяса ламы не берут, а масла и цзамбы самим всегда не хватало. Цзэдэн доволен уже тем, что ламы соглашаются хотя бы как следует похоронить отца. Ведь только последних бродяг, о которых некому позаботиться после смерти, сбрасывают в водопад. Мать непременно хочет, чтобы тело отца было «предано небу», как требует обычай. Тогда он в следующем существовании, может быть, будет счастливее...

Ламы кладут труп на шесты и, велев Цзэдэну сопровождать их, отправляются к вершине священной горы. Там никто не смеет ни охотиться, ни собирать целебные травы. На ровной площадке все останавливаются. В центре ее белеет продолговатый плоский камень, покрытый буддийскими изречениями. На него опускают носилки. Несколько раз вспыхивает на солнце клинок меча – и тело рассечено на части. Ламы бьют в гонги. Цзэдэн видит серых грифов. Привлеченные знакомыми звуками, птицы спускаются все ниже, ниже и, окружив камень, начинают клевать труп. Ламы проворно заканчивают обряд: толкут камнями кости, смешивают с тестом. Через несколько минут священные птицы поднимаются в воздух. Камень пуст. Мальчик облегченно вздыхает: небо приняло тело отца. Цзэдэн возвращается домой. С этого дня кончается его детство. Охота для него теперь не забава, а труд. Он кормилец, глава семьи.

Четыре дома стоят почти у самого потока, который скачет по камням, сердито бормоча. Еще восемь жилищ лепятся повыше на склоне. Вот и все селение Деринсё. Зимой, когда бураны на четыре месяца закрывают единственную тропу, ведущую вверх по ручью, сюда не пройдет ни одна живая душа. Да не только люди – даже солнце долгое время не может заглянуть на дно ущелья, чтобы хоть немного ободрить людей, которые из года в год встречают холода с покорным страхом. Долина, по которой поток разбросал гладкие камни, оцетинилась редкой жесткой травой. Один край ущелья крутой, скалистый. Выше начинается ледник. Туда жители Деринсё почти никогда не взбираются. Другой, более пологий край, порос лесом. Этот лес, начинавшийся сразу за селением и уходивший неизвестно куда, был для Цзэдэна всем его миром.

Семья, в которой вырос Цзэдэн, считалась в Деринсё одной из самых бедных. Было у них крохотное поле, которое каждую весну засыпало обломками каменных лавин. Мать с маленькой сестрой работали там с утра до вечера, но зерна своего хватало месяца на три-четыре, не больше. Братья нанимались в дома побогаче. Рубили хворост, таскали его на себе в селение. Так можно было заработать пару чашек цзамбы в день. Но главным доходом после смерти отца должна была стать лесная добыча Цзэдэна.

Чутье следопыта воспитывалось в Цзэдэне с младенческих лет. Выработанная поколениями охотничья сметка, рассказы отца, свои собственные наблюдения над природой, бывшие единственной пищей любознательной детской души, – все это помогало юноше чувствовать лес, понимать его, жить одной с ним жизнью. Зрение и слух молодого тибетца были развиты так же хорошо, как и его мускулы. Он усвоил с детства, что медведи, леопарды, лисицы, кабаны, мускусные олени, архары – все обитатели горных лесов имеют свои повадки, не распознав которые нечего ждать удачи. Юноша читал почти невидимые следы, разгадывал причины шорохов и звуков, которыми чаща живет и даже в самые тихие пред-рассветные часы.

Для Цзэдэна было чем-то само собой разумеющимся, что оленя на панты нужно бить весной, а кабаргу – мускусного оленя – осенью, что у каждого пушного зверя своя пора, когда мех его ценится выше всего. Он твердо помнил советы отца, что не во всякого зверя надо целиться между глаз. У медведя, например, черепная кость толстая, наповал его не убить, а раненый он страшнее злого духа. Поэтому стрелять в медведя нужно только тогда, когда находишься выше его по склону, и целиться под лапу: подбитому зверю труднее карабкаться вверх и, как говорят старики, видит он тогда хуже, потому что шерсть нависает ему на глаза.

По перенятой от предков примете, прежде чем зайти на выстрел, Цзэдэн вырывал из виска волос и, подбросив его над головой, следил за тем, как он падает на землю. Так можно было уловить направление даже самого слабого ветерка. Цзэдэн любил опасную охоту на архаров. Они водились на скалистых вершинах, где почти ничего не растет, где воздух редок. По многу дней карабкался он по склонам с мешочком цзамбы и веревкой, каждую минуту рискуя сорваться в пропасть. Но умение подстрелить архара было вопросом чести для мужчины. И редкая девушка согласилась бы выйти замуж за парня, который не добыл бы ей пары красивых рогов.

Среди охотников в Деринсё каждый имел свою излюбленную специальность. Для Цзэдэна ею была охота на леопардов. Никто лучше него не умел отслеживать тропы, по которым ходят на водопой эти опасные хищники гордых лесов. Найдя тропу, Цзэдэн осторожно рыл на ней яму и устанавливал сверху тяжелую каменную плиту. Ее поддерживала в наклонном положении только тоненькая бамбуковая жердь. На ночь в яму он опускал барашка. Привлеченный блеянием животного и его запахом, леопард подкрадывался к западне. Стараясь протиснуться к добыче, хищник выбивал жердочку, и каменная плита всей своей тяжестью падала вниз.

Нередко в селении кто-нибудь недосчитывался телят или овец. Все знали, что это проделки леопарда. Зарезанную пятнистым зверем скотину оставляли на месте, привязав к ней несколько колокольчиков. Цзэдэн ложился в засаду, заранее наведя и накрепко закрепив ружье, и стрелял, как только в темноте раздавалось позвякивание. Обычно он угадывал даже, с какой стороны подойдет зверь.

Молодой охотник лучше всех в селении разбирался в качествах леопардовых шкур. Знал он толк в мехе снежного леопарда – неярком, словно обкуреном серым дымом, длинном и мягком. Такой мех служит хорошей постелью. Однако больше нравился ему золотой леопард. У него шерсть короче, но ровная, гладкая, на красно-золотистом фоне чернеют пятна правильной формы. О пятнах леопарда среди охотников ходило много поверий. Некоторые утверждали, что они способны светлеть и темнеть, отражая состояние здоровья человека, который спит на шкуре. Другие говорили, что по этим пятнам можно определить всю историю зверя. У молодого леопарда пятна круглые, как монеты, а с годами многие из них приобретают форму разомкнутого кольца. Считалось, что каждое такое кольцо говорит об убитой хищником жертве.

Хороший охотник вырос из Цзэдэна, и мать гордилась им. Но, хотя добычи он приносил немало, выбраться из нужды все равно не удавалось. Кому продать шкуры, рога, мускус? Где купить зарядов, чая, цзамбы? Даже бродячие торговцы никогда не заглядывали в Деринсё. Выход был один: обращаться к Нимобо, самому богатому человеку в селении. Все в Деринсё были его должниками. У Нимобо много лошадей, вьючных ослов. У него пять сыновей, и у каждого нарезное ружье. Ему одному под силу снарядить большой караван и отправить его на храмовый праздник в Кандин или Ганьцзы, когда там собирается большая ярмарка. А разве мог Цзэдэн один отправиться в такой путь? До Кандина в один конец нужно потратить месяц. Где достать ослов? В дороге не отобьешься от бандитов. Да и семью нельзя оставить одну в самую страду. И Цзэдэн носил всю свою добычу к Нимобо, всегда пересту-

пая порог его дома как нищий, просящий подавание. В этой торговле не было цен. Нимобо брал, что ему нравилось, а платил сколько хотел.

Однажды осенью, когда тропу уже почти занесло, сыновья Нимобо, как обычно, привели караван с ярмарки. Несколько дней никто из их семьи не показывался на улице. А вскоре все заметили перемену, происшедшую с властителем Деринсё. На его каменном лице словно легла печать тревоги. Но еще больше удивили его поступки. Прежде Нимобо никому ничего не давал осенью. Ждал весны, когда люди съедят свои собственные скудные запасы. У Цзэдэна не было свинца для пуль. Не надеясь на успех, он пошел на всякий случай попросить зарядов в долг, на зимний промысел. И охотнику показалось, что старика Нимобо подменили. Он усадил бедняка на кошму, назвал его соседом и сам предложил взять чая и муки.

– Сыновья привезли из Кандина хорошие вести, – сказал он на прощание. – Теперь и в уезде, и в провинции будут управлять другие чиновники. Была война, плохих прогнали. А ведь мы здесь всегда жили как братья, не правда ли?

Скоро по всей деревне пошли разговоры о том, какой благодетельный Нимобо: если бы не он, все в Деринсё давно умерли бы с голоду. Через некоторое время жители Деринсё были удивлены еще больше. Весной в селение пришли незнакомые люди. Такие события здесь происходили раз в десять – пятнадцать лет, и естественно, что все сбегались посмотреть на незнакомцев. Среди них были два китайца и три тибетца.

Когда развьючили осликов, один из китайцев начал говорить, а спутник его переводил фразу за фразой. Он сказал, что прибывшие – передвижная группа торгового магазина. Они возят по горным селениям товары, которые каждый тибетец может купить в обмен на свою добычу. Переводчик стал называть цены, и люди недоверчиво зашумели: Нимобо никогда не давал и пятой доли этого. Мужчины побежали по домам и вернулись, трясая в руках связки мехов, шкуры, рога. А получив взамен плитки чая, снова спешили в свои хижины, недоверчиво оглядываясь.

Приезжие рассказали, что теперь в горах проложена большая дорога. Доставлять товары стало намного дешевле. Ведь на каждом грузовике можно привезти столько же, сколько на шестидесяти – восьмидесяти яках. Автомобильная дорога проходит в четырех днях пути отсюда – через Ганто. Там открылся государственный магазин. Он высылает в отдаленные селения свои передвижные группы. Но их пока еще мало, поэтому жители Деринсё сами могут съездить в Ганто и купить там все по таким же ценам...

На другой день караван ушел. Долго ходили в Деринсё толки и разговоры, пока несколько бедняков не решились съездить в Ганто. Среди них был и Цзэдэн. Встретили их там приветливо. Прежде всего хорошо покормили и уложили спать во двореке под навесом. Утром продавцы посмотрели и оценили все, что привезли охотники. К своему удивлению, Цзэдэн больше всего получил за оставшийся у него с прошлого года мускус.

Цзэдэн каждую осень убивал по несколько мускусных оленей. Он знал, как подбираться на выстрел к этому чуткому животному, которое прячется в густом кустарнике и, едва слышав врага, уносится стрелой. Эта охота была бы доходнее всего, если бы мускус можно было продавать в первые руки. Беда в том, что шэсян – мошонку оленя, содержащую мускус, – нельзя разрезать: она теряет от этого всю ценность. А определять качество мускуса по одному внешнему виду и весу шэсяна – целое искусство. Ему учатся в течение десяти-пятнадцати лет, и старики ревностно оберегают секреты своего умения. Вот почему ни один бродячий купец, а тем более Нимобо, не покупал шэсян иначе как за бесценок: он не знал, что дадут за него в городе. Здесь же, в магазине, стоял настоящий, опытный оценщик, и Цзэдэн получил все сполна.

Когда первые покупатели из Деринсё еще стояли в магазине, туда вошел тибетец, бросив на прилавок огромную связку шкур сурка. Это тоже поразило Цзэдэна. На «снежных свинок» никто из охотников вообще внимания не обращал. Во-первых, на что нужны такие

маленькие шкурки? А во-вторых, старые люди говорили, что бить сурков грешно, ибо это перевоплощенные святые отшельники. Действительно, по своим повадкам зверьки чем-то напоминали монахов. С октября до марта они, как отшельники в пещерах, прячутся в своих норках, а летом любят сидеть неподвижно на задних лапках, будто ламы за молитвой. Цзэдэн рассказал про сурков своим младшим братьям, и те стали приносить их шкурки сотнями. Дело это нехитрое: жги возле норки сухой навоз, а когда ошалевший от дыма зверек выскакивает наружу, бей его палкой. С каждым приездом в Ганто Цзэдэн узнавал много нового. Раньше он считал, что дороже всего ценится мех травяной лисы, из которого богатые люди в Тибете любят делать шапки. Оказалось, однако, что много дороже стоит выдра. Накупив хороших капканов, Цзэдэн стал ходить далеко вверх по ручью и ставить их возле пещер в прибрежных камнях. Выдр вокруг Деринсё много.

Приезжая в Ганто, Цзэдэн смотрит теперь уже не только на кирпичный чай, муку и порох. С каждым разом все новые вещи привлекают его интерес. Мать долго не хотела ставить на огонь купленную им блестящую, как серебро, алюминиевую посуду. За ней последовала керосиновая лампа, несколько лопат, мыло (его особенно усердно предлагал продавец). Снежные метели по-прежнему надолго отрезают от мира деревушку Деринсё. Но холода и длинные зимние ночи семья Цзэдэна встречает теперь без прежнего трепета. Что-то новое вошло в дом вместе с огоньком керосиновой лампы, мигающим от порывов ветра. Первая надежда засветилась в нем, сменив извечный страх перед будущим. И заронили этот огонек те самые люди, которые впервые привели в селение караван товаров из Ганто.

На улицах Лхасы

Город, о котором буддисты всей Азии говорят так же, как мусульмане о Мекке, а католики о Риме, — для скольких исследователей Центральной Азии остался он недостижимой целью, неразгаданной тайной! Можно перечест по пальцам всех иноземцев, кому удалось побывать в этой цитадели ламаизма.

Вереница выючных мулов, украшенных яркими султанами, с трудом пробирается по улице, похожей на бесконечный базарный ряд. Торговцы сидят на порогах своих полутемных лавок, разложив товары прямо на земле. Здесь увидишь изделия всех ремесел Тибета и все, что привозят сюда издалека по горным тропам отважные караванщики. Шапки, отороченные мехом, седла с серебряным набором, невыделанные звериные шкуры, кинжалы в чеканных ножнах. Электрические фонарики и термосы из Шанхая. А рядом груды котлов для варки мяса, привезенных из Индии. Здешние торговцы свободно пересекают границу, уходят за Гималаи, в Индию, Непал, Бирму.

Сотни звуков сливаются в гомоне толпы. У навесов, под которыми разложены товары, идут жаркие споры. Купить что-нибудь, не поторговавшись, считается просто неудобным. Над торговым не стихает звон серебра. Бумажные деньги здесь не в ходу. Платят монетами по весу. Где и когда они отчеканены — не важно. Ходят и гомиьндановские юани, и колониальные индийские рупии, и даже рубли с профилем Николая Второго. Но подлинность металла проверяют ударом о камень.

С криком гоняются друг за другом чумазые ребяташки. Ржут привязанные кони. Перекликаются друг с другом через улицу женщины, хозяйничающие на плоских крышах домов. Уличный шум то и дело покрывает пронзительный визг собаки, попавшей кому-то под ноги. Этих бездомных псов в Лхасе великое множество: в священном для буддистов запретном городе никто не смеет убить ни одну живую тварь.

Возле связок коралловых бус спорят девушки с черными лицами. Когда-то, чтобы оградить монахов от искушения, в Тибете был издан указ, по которому женщина перед уходом из дома должна была смазать лицо маслом и посыпать землей. Прошло несколько столетий, и

правило вошло в обиход. Может быть, еще и потому, что так легче уберечь кожу от сухости здешнего воздуха.

Жжет благовония продавец ритуальных свечей, и к их аромату примешивается резкий запах прогорклого коровьего масла – его по тибетскому обычаю перед продажей специально выдерживают месяцами в кожаных мешках.

Ходишь по Лхасе, как по киностудии, где идут съемки фильма о временах Марко Поло. За стеной монастыря слышен грохот барабанов и разноголосое бормотание. Там, как всегда, молятся. А с другого края улицы доносится знакомая мелодия, под которую китайские служащие ежедневно делают зарядку. Медленно вышагивают три монаха в высоких остроко-нечных шапках. В вытянутых руках они несут чаши для пожертвований. Встречные покорно опускают в них медяки.

Группа китайцев в военной форме с интересом разглядывает установленные посреди улицы огромные бронзовые чаны. Во время религиозных празднеств, когда население Лхасы удваивается, в них кипятят чай приходящие из дальних мест богомольцы. Толпа любопыт-ных окружила запыленный грузовик. В нем – продолговатые кули кирпичного чая, привез-зенного из Сычуани. И тут же другая картина снова возвращает в Средние века. Горячий вороной жеребец звонко шлепает по невысыхающей луже. Сановник далай-ламы в парчо-вом шлеме и красном камзоле, надетом на халат из желтого атласа, скачет по направлению к Потале. А четыре охранника плетями прокладывают ему путь через толпу.

Дворец далай-ламы виден почти из любого уголка Лхасы. Будь рядом современный город с многоэтажными зданиями, Потала и тогда выделялась бы своим величием. Но вос-хищение стройной гармонией линий сменяется совсем иными чувствами, когда попадаешь во внутренние помещения Поталы. Как строения раннего средневековья, создававшиеся в эпоху распрей и смут, они действуют на воображение прежде всего мрачной массивностью.

Полумрак залов хранит от постороннего глаза старинную роспись стен. Вот потуск-невшее панно, на котором безымянный живописец воспроизводит легенду о происхождении тибетцев. Когда-то на месте Тибета было море, окруженное горами. Потом море исчезло. Остались озера. В молодых рощах появились первые звери. Пришла из-за гор и обезьяна. Ее шестеро детенышей поселились в лесу. Они росли и размножались так быстро, что через три года их было уже пятьсот. А когда для них стало не хватать плодов в лесу, старая обезьяна отправилась за помощью к богу Ченрези. Он дал ей зерна цинко и рассказал, как бросать их в землю. С тех пор обезьяны стали выращивать злаки, приручать яков и коз, строить жилища, пока не стали людьми.

В одной из самых старых построек дворца Потала хранятся статуи тибетского царя Сронцзан Гамбо и взятой им в жены китайской принцессы Вэнь Чэн. Однажды на площади в Лхасе я видел театральное представление. По форме оно напоминало китайскую класси-ческую оперу: чередование пения с элементами акробатики и пантомимы, обилие ударных инструментов, условный, раз и навсегда определенный ритм для каждого персонажа, яркие костюмы и полное отсутствие декораций.

Спектакль рассказывал о том, как царь Сронцзан Гамбо объединил тибетские племена и решил породниться с императорами танского Китая. В то время тибетцы разбрасывали семена в непаханую землю, не знали иной одежды, кроме шкур, не умели делать масло и молоть зерно.

– Я согласна стать женой вашего царя, – ответила Вэнь Чэн послам Сронцзан Гамбо, – но привезу с собой в Тибет то, чего там недостает.

Так рассказывает об этом старинное предание. Но исторически неоспорим тот факт, что зародившиеся уже в VII веке экономические связи с Китаем сыграли важную роль в истории тибетского народа. Китайские мастеровые положили в Тибете начало почти шести-десяти ремеслам. С того времени у тибетцев появилось ткачество, возникло производство

сельскохозяйственных орудий, керамики, бумаги. Тогда же начался ввоз в Тибет китайского чая, не прекращающийся вот уже более тысячелетия. Вместе с шелком с востока пришли и образцы китайской одежды эпохи Тан. Тибетский национальный костюм донес до наших дней многие ее черты.

В XIII веке император Хубилай присоединил Тибет к Китаю. Буддийское духовенство пользовалось тогда не только огромным религиозным влиянием. Оно владело обширными поместьями, держа в крепостной зависимости большинство населения. Поэтому, желая закрепиться в Тибете, китайский император стремился найти опору прежде всего среди настоятелей монастырей. Одному из них было поручено управлять тибетскими землями. Такие наместники впоследствии получили титул далай-лам и образовали феодально-теократическую форму правления, которая сохранилась в Тибете до XX века.

Религиозные догмы буддизма фактически играют в Тибете роль законов. Не почитать Будду, его учение и монашество в народе считается преступлением. За стенами дворца Потала скрыты богатейшие усыпальницы, в которых замурованы тела восьми покойных далай-лам: пятого, седьмого, восьмого, девятого, десятого, одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого. Откуда-то снизу, из незримых глубин дворца, доносятся глухие удары гонгов. Там день и ночь молятся монахи. Ежедневно сменяются приношения: родниковая вода в серебряных чашах, блюда с зерном, цветы, вылепленные с редким искусством из подкрашенного масла.

Одна из стен Поталы своей росписью напоминает географическую карту. По сути дела, это и есть карта Тибета. Она изображает расположение монастырей, существовавших при далай-ламе пятом.

Нелегкой ношей легла религия на плечи немногочисленной народности, производительные силы которой надолго застыли на стадии раннего феодализма. Живуч давний обычай, требующий, чтобы один из сыновей в семье непременно шел в монастырь. В Тибете, где в 1955 году население едва достигало миллиона, насчитывалось сто пятьдесят тысяч лам. (Теперь их тридцать пять тысяч на два с лишним миллиона жителей.) Особенно большой вес в жизни Тибета имеют расположенные неподалеку от Лхасы «три великих монастыря»: Дрепан, Сера и Ганден. Ни одно важное решение не принималось далай-ламой без ведома и согласия «большой троицы».

Мы потратили целый день, но так и не успели хотя бы бегло осмотреть Дрепан – крупнейший монастырь мира. Это целый город, спускающийся с горы каскадом белых каменных зданий (отсюда название Дрепан, то есть «груда риса»). Поначалу далай-ламы (от первого до пятого) считались настоятелями монастыря Дрепан и жили здесь, пока не переехали во дворец Потала.

Над золотыми башенками кружатся в парящем полете грифы. Яркими пятнами выделяются на окрестных скалах высеченные в них барельефы буддийских святых. У ворот монастыря нас встречают синго – главные блюстители устава, своими одеяниями напоминающие римских дисциплинариев. Жесткие наплечники, надетые под обычный монашеский хитон, придают их фигурам фантастический, богатырский вид. Сопровождающий нас духовный сановник из Лхасы при виде синго торопливо снимает желтую шелковую сорочку: внутри монастыря все ламы круглый год должны ходить с обнаженными руками.

С трудом карабкаемся по узким, круто поднимающимся вверх улочкам, то попадая в темные молельни, то оказываясь среди грязных домишек, где селятся монахи. Дрепан, как и каждый из «трех великих монастырей», – центр высшего буддийского образования.

Тысячи людей не то что годами – десятилетиями учат тут наизусть священные книги. Ведь кроме ста восьми томов основного канона – Кангиура, – приходится изучать еще более двухсот томов комментариев! Каждые семь лет богословы, наиболее прославившиеся своими знаниями, собираются на диспут, и победителю его присваивается титул Гадэн Циба

– Ученейший. Этот первый знаток буддизма в Тибете оказался добродушного вида старичком. Отвечая на вопросы, он поглядывал на меня, как на ребенка, которому вдруг захотелось узнать, отчего солнце светит: как, мол, ни растолковывай, детскому разуму это все равно недоступно. Понять все то, что говорил Ученейший, действительно было нелегко. Однако некоторые положения, касающиеся буддизма, было интересно услышать именно из его уст.

Буддизм не требует от верующих исполнения религиозных обрядов. Пусть человек сделает хорошее приношение монастырю, а молиться – дело монахов. Нужно только как можно чаще напоминать себе изречение Будды о том, что «нынешняя жизнь есть следствие жизни прошлой и причина будущей». Символом такого «кольца причинности» служит вращение по часовой стрелке. Спрашиваю у Гадэн Циба, какие грехи считает его религия наиболее тяжелыми.

– Убить отца или мать, нанести вред ламе или монастырю, осквернить статуи богов, – отвечает он.

– А какими добродетелями должен обладать верующий?

– Отвечать добром на зло. Заботиться о ближних. Слушать советы лам. Делать хорошие приношения монастырям.

Вспоминаются длинные прилавки у монастырских ворот, за которыми сидят монахи, протягивая каждому проходящему объемистую копилку. Пожалуй, последнюю добродетель ламы прививали народу особенно старательно. Хожу из молельни в молельню. Жирный чад тысяч лампад липким слоем покрывает пол и стены. Сколько же масла сгорает здесь, если даже небольшой монастырь расходует его пятьдесят вьюков в день? На засаленных тюфяках рядами сидят монахи, хором читают молитвы и раскачиваются в такт. Их монотонное бормотание вдруг прерывается оглушительным грохотом – бьют в гонги и барабаны, дуют в раковины и рыкающие четырехметровые трубы. Из ниш глядят бронзовые святые. На их лицах, как и на лицах монахов, лежит одна и та же печать отрешенности.

Чай у далай-ламы

Чем ближе подъезжаешь к Лхасе, тем чаще видишь паломников, меряющих путь к святым местам своим телом. Через каждые три шага они ложатся распростертыми в дорожную пыль или грязь. Такое подвижничество, требующее иногда нескольких лет, совершается, дабы хоть издали увидеть далай-ламу. В дни религиозных празднеств в Лхасу ради этого сходятся тысячи людей. Поэтому обещанной встречи с далай-ламой я ждал с большим волнением. Он принял меня в своей летней резиденции – Норбулинке. Молодой парк с живописными павильонами, прудами, беседками и цветниками явно выигрывает в сравнении с мрачными, прокопченными залами Поталы. Создатели парка хотели придать ему вид рая на земле. Среди деревьев щиплет траву ручная лань. По дорожкам важно расхаживают фазаны. Голуби садятся у ног людей, ожидая подачки. На клумбах – удивительное разнообразие хризантем, астр, георгинов.

Иду по аллее в сопровождении начальника личной гвардии далай-ламы. Огромный бриллиант, сверкающий на его фуражке вместо кокарды, и длинная бирюзовая серьга выглядят довольно странно в сочетании с современным офицерским мундиром. Впрочем, парадоксальное смешение эпох видишь не только в этом. Несколько сановников и лам в средневековых одеяниях снимают меня киноаппаратами новейших зарубежных образцов. В зале церемоний, где на помосте из четырех ступеней возвышается покрытый золотой парчой трон, а на полу лежат подушки для посетителей, узнаю, что его святейшество примет меня в неофициальной гостиной.

В Тибете ни один визит не обходится без хата – белого шарфа, который преподносится в знак уважения. Далай-ламе полагается вручать хата из особого сорта шелка. Держа на

вытянутых руках это полотнище, я вхожу в небольшую светлую комнату. Стенная роспись, обивка кресел и ковер в ней выдержаны в желтых и пурпурных тонах – священных тонах буддизма.

Меня встречает человек в обычной одежде буддийского монаха. Хитон из грубого местного сукна свободными складками облегает его фигуру, оставляя обнаженными руки. Далай-ламе немногим более двадцати лет. Лицо его, покрытое здоровым румянцем, а главное – живые глаза, пытливо глядящие из-под очков, не носят и следа нарочитой отрешенности, характерной для высокопоставленных буддистов.

С первых же минут беседы чувствуется, что далай-лама внимательно следит за мировыми событиями.

– Хотел бы воспользоваться вашим приездом, – говорит далай-лама, – чтобы передать несколько слов зарубежной общественности, буддистам в других странах. Мы, тибетцы, не только веруем в учение Будды, но и любим нашу родину, где уважается и охраняется свобода религии.

Далай-лама держится непринужденно, энергичные жесты сопровождают его уверенную речь. Седобородый монах то и дело наполняет его золотую чашку. Такой же приготовленный с маслом и солью чай пью и я, но из серебряной чашки. Разговор переходит на проблемы Тибета.

– Связи китайского и тибетского народов, – говорит далай-лама, – имеют более чем тысячелетнюю давность. Но политика, которую проводили императоры Цинской династии и их гоминьдановские наследники, породила национальную рознь. Ее вдобавок старательно разжигали внешние силы. Поэтому сразу ликвидировать взаимное недоверие было трудно. Но тибетцы все яснее видят, что на смену национальному гнету приходят отношения равенства и взаимопомощи между народами. Рассеиваются заблуждения, крепнет сплоченность...

Не раз вспоминал я потом эти слова далай-ламы, когда знакомился с обстановкой в Тибете. Расположенный в глубине Азиатского материка, он отделен от мира Гималаями и Куэнь-Лунем. Народно-освободительная армия застала в Тибете общественно-экономические отношения раннего феодализма со значительными пережитками рабовладельческого строя. Монастыри и местная знать сосредоточили в своих руках обрабатываемые земли и пастбища. Земледельцы и скотоводы были закреплены за владельцами земель, на которых они живут. Каждый правитель удела сам вершил суд, устанавливал и собирал налоги. Как страшная болезнь, косила людей родовая месть, столь давняя, что враждующие семьи почти никогда не помнили первопричины ссоры.

Окраинное положение высокогорной области, специфику ее общественного уклада не раз пытались использовать иностранные державы, чтобы отторгнуть Тибет от Китая. Последняя попытка инсценировать такое «отделение» делалась в 1949 году, накануне победы китайской революции. Однако политика равноправия и дружбы всех национальностей, провозглашенная новым Китаем, одержала верх. Первым шагом молодого далай-ламы четырнадцатого, когда он взял в свои руки власть, находившуюся у регента, было начало переговоров с центральным народным правительством.

– С тех пор как в 1951 году было подписано Соглашение о мирном освобождении Тибета, – говорил мне при встрече далай-лама, – наш народ оставил путь, который вел к мраку, и пошел по пути, ведущему к свету...

В вопросах, касающихся реформ в Тибете, гласила статья одиннадцатая Соглашения 1951 года, не будет иметь места какое-либо принуждение со стороны центральных властей. Местные власти Тибета должны проводить реформы добровольно. А когда народ потребует проведения реформ, вопрос о них должен решаться путем консультаций с видными деятелями Тибета.

Этого принципа придерживались в своей деятельности представители центрального правительства. В то время как вопросы внешней политики и обороны были переданы Пекину, местная исполнительная власть в 50-х годах по-прежнему осуществлялась администрацией далай-ламы. Он возглавлял тогда в Тибете не только духовную, но и светскую власть. Жизнь показала, что политика длительного сотрудничества с видными представителями духовенства и местной знати была правильной. При низком уровне политического сознания народа и огромной силе религии, только действуя через них, во всем заручаясь их согласием, можно было преодолеть национальную рознь и сплотить тибетский народ со всеми народами Китая на основе дружбы и равноправия.

Человек презираемой касты

Центр Лхасы опоясывает улица Палкхор. Предание гласит, что внутри этого кольца когда-то было озеро, в котором водились черти. Чтобы нечистая сила не беспокоила горожан, озеро засыпали и построили на нем монастырь Джокан.

На улицу Палкхор выходит здание городской управы с висящими у входа тигровыми хвостами – символом власти и правосудия. Здесь же продают свои товары купцы из дальних краев. В ленивых позах сидят щеголеватые непальцы, потягивая через трубочку очищенный водой табачный дым. Белеют шапочки мусульман, пришедших с караванами из-за снежных перевалов Гималаев. Улица Палкхор – это Лхаса торговцев и богомольцев. Но если свернуть в сторону от торгового кольца, попадаешь в Лхасу ремесленников. Из пятидесяти тысяч постоянных жителей города в 1955 году двадцать тысяч составляли ламы, пятнадцать – торговцы и столько же кустари. Но именно последняя часть составляет ядро городского населения.

В узких, извилистых переулках каждый дом – это и жилище, и мастерская, и лавка. Связь ремесла с торговлей предстает взору в самом непосредственном ее проявлении. За распахнутой дверью видишь кустика за работой, а перед порогом – то, что он произвел и хочет продать. Все тибетские ремесленники считались слугами далай-ламы. Как и в средневековой Европе, они были объединены в цехи с иерархической структурой и сложным ритуалом посвящения подмастерьев в мастера. Раз в год полагалось делать приношения далай-ламе и получать его благословение. Для этой торжественной церемонии каждое ремесло имело свой наряд и знало свое место. Первыми подносили дары золотых дел мастера и стекописцы, создающие образы богов, последними – кузнецы и скотобои.

На низком чурбаке сидит в своей камере ювелир. Положив на круглую металлическую колодку серебряную монету, он бьет по ней молотком. Кружок серебра постепенно расплющивается и приобретает форму чаши или лампы. Оглядев изделие придирчивым взглядом, ювелир берет молоточек поменьше и крохотную стамеску. Это единственные помощники верного глаза и умелых рук. Тихонько постукивает молоточек, пальцы едва заметно передвигают острые стамески. А на серебре словно по волшебству ложится чеканный узор – легендарная птица Чон, окруженная лепестками лотоса.

Рядом другой кустика мастерит похожий на икону серебряный футляр для амулетов. Их носят на груди многие тибетцы. Вместо чеканки он выбивает на поверхности металла круглые гнездышки, чтобы потом вставить в них голубую бирюзу, которая, по преданию, впитывает в себя недуги человека, полупрозрачный сердолик, именуемый в народе «ячьим глазом», или кусок коралла, привезенный из далеких индийских морей (как и бирюзе, ему приписывают целебные свойства)

Возле одного из домов разложены яркие прямоугольные коврики. Пройдя через полутемную лавку во внутренний двор, оказываешься в ковровой мастерской. На кошах сидят женщины. Звучит незатейливая мелодия песни, движутся в такт ей руки, превращая спутан-

ные кипы шерсти в нежный, как снег, пух. Набрав полный фартук, статная девушка относит его на другой конец двора. Там гудят деревянные прялки, будто чудом перенесшиеся сюда из старинных русских сказок. В темных помещениях нижнего этажа белую нить окунают в каменные корыта. Натуральные красители из трав, корней, минералов придают пряже поразительные по разнообразию, яркости и устойчивости оттенки.

Наверху сидят ткачи. Две параллельные жерди, между которыми натянута хлопчатобумажная основа, – вот и весь станок. Углем на основу наносится рисунок, вернее, главные контуры, пропорции. Образец орнамента лежит рядом, и ткач лишь время от времени поглядывает на него. Можно часами любоваться мудрой простотой каждого движения ковровщика. Вот он берет моток шерсти нужного цвета, ловко продевает конец ее за нить основы, выводит его обратно, натягивает, обрезает. Длина торчащих концов – это и есть толщина будущего ковра. Ткач делает стежок за стежком, прижимая их друг к другу тяжелым металлическим гребнем.

Два конца обрезанной нити войдут в рисунок ковра лишь двумя цветными точками. И вот из таких-то точек постепенно рождаются излюбленные темы народного искусства: горы, тигр с гордо повернутой головой – напоминание о тех временах, когда посередине ковра вшивался кусок тигровой шкуры, знак власти восседавшего на нем вождя. Какое же здесь требуется мастерство, какое художественное чутье, наконец, какая бездна времени! Небольшой коврик, приблизительно два метра на полтора, требует больше месяца труда опытного мастера. Зато век тибетского ковра равен, как говорят, веку человека, и краски его не тускнеют даже от яркого высокогорного солнца.

Многообразно искусство лхасских умельцев. Здесь ткут грубое сукно шириной в локоть, в которое одеваются монахи; отливают из меди фигурки Будды; выжигают глиняные кувшины, чеканят серебряные кубки. Во всех буддийских странах Юго-Восточной Азии славятся приготовляемые в Лхасе ритуальные свечи, курящиеся ароматным дымом. Есть, наконец, в Лхасе искусные кузнецы.

Переулок Канбара так же узок и грязен, как другие в ремесленной части Лхасы. Двухэтажные дома отличаются от крестьянских лишь тем, что стоят теснее друг к другу. Я в гостях у кузнеца Церина Пинцо. Его жилище разделено надвое перегородкой. За ней стоит горн, наковальня, насыпана куча древесного угля, в углу составлены металлические прутья. В жилую часть комнаты свет попадает только через широкий дверной проем. На теплую часть года дверь снимается вовсе. Тогда и жилище отделяется от улицы лишь каменным порогом, который преграждает путь дождевой воде. Посередине каморки примитивный очаг, где тлеют лепешки сухого ячьего навоза. Солнечный луч синей полосой пробивает себе дорогу сквозь клубы дыма. Когда глаза постепенно привыкают к полумраку, я вижу и почерневшие от копоти жерди потолка, к которым привязаны кожаные мешочки, пучки каких-то трав. В дальнем углу, где под изображением далай-ламы горит несколько лампад, на ворохе шкур сладко спит, улыбаясь во сне, пятилетняя девочка. Жена хозяина Гасан сидит на пороге и кормит грудью младенца. Время от времени она выходит на улицу, чтобы предложить случайному прохожему разложенные тут же мотыги, серпы, скобы и гвозди. Мне указывают место на сундуке. Сам Церин Пинцо располагается напротив. Он сидит свободно и прямо, обхватив колено пальцами сильных рук. Распахнутый ворот рубахи открывает мускулистую шею. Вокруг головы уложены заплетенные в косу густые, нечесанные волосы. Когда кузнец говорит, добродушно прищуренные глаза его будто ощупывают собеседника, а руки все время в движении: нужное слово подкрепляет нетерпеливый, выразительный жест.

Разговор сам собой заходит о том, что больше всего волнует хозяев: о заказах, о заработках, о дороговизне железа, которое привозят сюда выюками из-за дальних гор. Гасан часто перебивает мужа, вставляет свои замечания, а скоро к ней присоединяется и третий собеседник. Это сосед Церина, кузнец Чжаси Тэнчжу. Он вошел как-то незаметно и молча уселся на

корточки возле огня. Теперь все трое говорят, обращаясь уже не столько ко мне, сколько друг к другу. Самые горячие толки вызывает упоминание об ула – трудовой повинности, которую земледельцы, скотоводы и ремесленники должны отрабатывать своим хозяевам – монастырям и местной знати. Сама по себе ула никому не кажется несправедливой. Сетуют на другое. Кузнецы, как и все мастеровые в Лхасе, объединены в гильдию – ремесленный цех. И повинность распределяет между семьями цеховой мастер. Вот и получается, что, смотря по расположению этого человека, одни трудятся по ула двадцать дней в месяц, а другие чуть ли не вдвое меньше.

– А намного выгоднее брать заказы со стороны? – спрашиваю я.

– Какое сравнение! – отвечает Церин. – Дома бы я раза в три-четыре больше заработал. А там за мешок ячменя таскаюсь целый месяц с одного места на другое.

– Когда это ты заработал на ула мешок зерна? – кричит с улицы Гасан. – Сколько получишь, все и съедаешь. А семья ни с чем остается. Если бы сам работу брал...

– Заказ, заказ! – мрачно говорит Чжаси Тэнчжу, скребя пальцами голову. – Его еще найти надо. Железо дорогое, народ бедный.

– Может быть, в деревне нашлось бы больше работы?

– Но без разрешения мастера из Лхасы уезжать нельзя, – качает головой Церин – Это значит – неси ему каждый раз подарок.

Цех ежегодно собирает с ремесленников деньги на дары далай-ламе. В определенный день кустари отправляются с ними в Норбулинку. При воспоминании об этой церемонии все заметно оживляются. Порывшись в углу, Церин показывает красную шапку с бахромой из лент. Ее полагается надевать во время торжественного шествия к далай-ламе.

– Под благословение подходят чередом, по высоте ремесла, – с торжественностью в голосе рассказывает Чжа-Тэнчжу. – Сначала стенописцы и медники. Потом ювелиры, ковровщики, плотники, каменщики, а уж после всех мы, кузнецы...

Корни такой традиции, по-видимому, религиозные, Буддизм считает большим грехом убийство любого живого существа. Кузнецы же делают орудия убийства, скотобои ими пользуются...

Я спрашиваю, сказывается ли это на заработках.

– Конечно! Ювелир, к примеру, сделает за день две серьги, продаст их. А самому искусному кузнецу, чтобы выручить столько же денег, не меньше недели пришлось бы трудиться!

– С детства мы это узнали, – грустно улыбнувшись, говорит Церин Пинцо. – Работать зовут – ты нужный человек, а кончил дело – тут же тебе в спину кричат «гара!».

– Что же это за слово? Что оно значит?

– Это презрительная кличка кузнецов. Так зовут духа, которого на том свете за какие-то преступления превратили в кузнеца. Во дворце Потала есть его изображение. Сидит верхом на баране с молотом в руке, а лицо черное, страшное.

– В праздник приоденешься, выйдешь с ребятами на улицу, а на тебя со всех сторон пальцами показывают: «гара», – говорит Гасан. – Всего тяжелее думать, что и детям не избежать того же, – продолжает она. – Издавна ведь заведено: женится кузнец на дочери кузнеца, а сына может сделать только кузнецом.

В наступившей тишине слышны звуки уличной жизни. Постукивает молоточек чеканщика, где-то иступленно хохочет юродивый, звенят бубенцы проходящего каравана. Собеседники молчат, думая, наверное, о духе с молотком, черный лик которого, как проклятье, висит над кузнецами из поколения в поколение.

Ярмарка в долине Дам

Высунувшись из машины, я оглядываюсь назад. Еще рано. Лишь горы открыли наступающему дню свои снежные вершины. Полоса солнечного света медленно спускается по склонам. Но, прежде чем она коснется дремлющих в предутренней дымке строений Лхасы, город уже скроется за горизонтом.

Снова окунаюсь я в походную жизнь, от которой еще не успел отвыкнуть за недели пребывания в Лхасе. Снова тряское сиденье «газика», ночевки в спальных мешках, порядком уже надоевшие консервы. Опять лежа в палатке, буду клясть ветер за то, что он задувает свечу и не дает записать в дневник хотя бы несколько строк о впечатлениях дня. Снова перед сном буду заботливо укутывать свитером фотоаппарат, чтобы уберечь его от ночной росы... Путь лежит в скотоводческие районы Северного Тибета.

Первые десятки километров пролегают по густо населенной речной долине. Солнце золотит копны сжатого цинко. На плоских крышах домов молотят хлеб и там же складывают солому, прижимая ее сверху камнями. В такой тихий, прозрачный день только свежавывавший снег на горах да зеленоватый оттенок бездонного неба говорят о приближении зимы.

Дорога сворачивает в скалистое ущелье. А когда крутые стены его наконец раздвигаются, впереди предстает совершенно другой мир. Заболоченная равнина убегает вдаль меж пологих моренных гряд. Иссохшая рыжая трава с темными пятнами карликового кустарника, словно леопардовая шкура, покрывает их склоны. Среди пучков тибетской осоки, устилающей долину, белеют бесчисленные, омытые дождями валуны.

Унылый пустынный край... Караваны торговцев встречаются все реже. Северный Тибет – район кочевого скотоводства – расположен на высоте от четырех до шести тысяч метров над уровнем моря. Пересекающее его Тибет-Цинхайское шоссе, по которому я еду, проходит почти по безлюдным местам. Поэтому, несмотря на более удобный рельеф трассы, используется она значительно меньше, чем дорога из Сычуани, по которой я добирался до Лхасы. И Тибет-Цинхайское, и Тибет-Сычуаньское шоссе были открыты для движения одновременно – в декабре 1954 года. Но многое еще предстоит доделать. Реки часто приходится переезжать вброд: не всюду выстроены мосты. Клубы пара окутывают наш разогревшийся «газик», когда он отважно устремляется в воду. Нередко пенистая струя врывается внутрь, и мне приходится прятать ноги на сиденье, держа в поднятых руках свою поклажу.

Все дальше на север уходит дорога. Слева показываются снеговые зубцы могучей горной цепи. Ее искрящиеся на солнце безжизненные каменистые склоны суровы и неприветливы. Это – хребет Ньенчен-Тангла, который местные жители считают обиталищем одноименного божества – своего покровителя. Свернув восточнее, параллельно хребту, вскоре подъезжаем к древнему чортену. В такой буддийской ступе, имеющей форму бутылки, тибетцы хранят религиозные реликвии.

– Отсюда начинается долина Дам, – говорят мои спутники.

Впереди, вдоль Ньенчен-Тангла, широкой лентой расстилается равнина, покрытая сочной травой. Повсюду виднеются отары овец, стелются голубые дымки стойбищ. Ветер треплет гирлянды белых молитвенных флажков, натянутых над палатками скотоводов. Возле кочевий чернеют фигуры яков. При звуках автомобильных гудков они бросаются врассыпную, смешно переваливаясь и задирая вверх пышные хвосты. В кажущейся неуклюжести их мохнатых ног есть что-то медвежье. Километрах в тридцати от начала долины взору открывается целый город пестрых шатров и палаток. Они группируются вокруг каменного строения, представляющего собой нечто среднее между буддийским монастырем и феодальной крепостью.

Мой приезд в долину Дам совпал с чиримом – ежегодной ярмаркой. Как и в других районах Китая, такие традиционные центры товарообмена возникли в Тибете на основе различных религиозных или народных празднеств. Уже вечереет, когда мы подъезжаем к чириму. Приодевшиися по случаю праздника скотоводы шумной толпой бродят по торжищу. Приезжие торговцы скупают кули немытой овечьей шерсти, предлагая взамен кирпичный чай, металлическую утварь, деревянные чашки для цамбы, оружие и украшения. Местные жители вынесли на продажу коровье масло, зашитое в кожаные мешки, сухой творог, брынзу, обувь из сыромятных козлиных шкур. Мужчины подолгу останавливаются возле ярких ковровых чепраков. Какой всадник не мечтает иметь такой под седлом! Но для большинства они не по карману.

На многих скотоводах вместо обычных шапок надеты связки лисьих шкурок. Понадобилось обладателю такого убора рассчитаться за покупку – шкурку можно снять и предложить в качестве денежной единицы. Еще более экзотичны наряды женщин. Волосы у них разделены на сто восемь мелких косичек. В каждую вплетено по несколько серебряных монет, а у тех, кто победнее, – блестящих раковин. Этот убор, весящий несколько килограммов, закрывает спину женщины, как кольчуга, и звенит при каждом шаге.

В облаке пыли, розовом от лучей заката, движется стадо овец. Я смотрю на всадников, которые гонят его, видимо, издалека. Свободная посадка, кинжалы у пояса, за спиной – кремневые ружья. Вид независимый и гордый. Народ здесь выглядит воинственно, каждый мужчина – стрелок и наездник.

Палатку мы разбили в стороне от чирима, на берегу ручья. Утром увидели красочную процессию. Она двигалась со стороны крепости. Впереди шествовали три цзунбэня – правители уезда Дам – в официальном одеянии тибетских сановников. На них были золотистые парчовые шляпы с коралловыми шариками наверху и длинные халаты из пурпурного атласа. На ногах красовались расшитые пестрым узором мягкие сапоги. Четверо прислужников шли, сгибаясь под тяжестью ободранных ячьих туш, а еще трое тащили круги масла. Все эти дары, сопровождаемые пышными приветствиями, были сложены у моих ног.

Из беседы с цзунбэнями я узнал, что три с лишним столетия назад, когда войска Гошри-хана отдыхали тут после походов, далай-лама пятый предложил одарить землей тех, кто захотел бы навсегда поселиться в этом краю. Долина у подножия Ньенчен-Тангла привлекла воинов своими обширными пастбищами. Поэтому назвали ее «Дам», что значит «Долина Выбора». С тех пор вошло в обычай ежегодно отмечать день заселения этих мест торжественными религиозными церемониями и народными празднествами. При далай-ламе тринадцатом долина Дам была включена в число владений монастыря Сера. Для управления уездом и сбора податей он присылал своих представителей – цзунбэней. Впрочем, вместо слова «подати» цзунбэни упорно говорили мне «приношения».

– Во время чирима сюда съезжается много лам из дальних монастырей, – поясняли они, сопровождая каждое слово поклонами и улыбками. – Их надо поить и кормить. Поэтому каждый скотовод привык в дни праздника делать пожертвования местному храму. Ну а если этих приношений оказывается больше, чем нужно, мы отправляем их в монастырь Сера...

Поговорить на эту тему подробнее нам не удалось. Подъехавший карьером всадник спешил к палатке. Дождавшись, когда один из цзунбэней обратил на него внимание, он с низким поклоном доложил, что к началу праздничных состязаний в скачках и стрельбе все готово. Меня пригласили в шатер, разбитый неподалеку от крепости. У входа в него курились ритуальные свечи. В центре шатра я увидел деревянное блюдо с цамбой, украшенной фигурками из масла. Рядом стояли два кувшина – один с чаем, другой с ячменным пивом. Это были приношения богам во имя благополучия праздника.

Меня усадили на ковер рядом с цзунбэнями. Здесь, в шатре, легче было разобраться в том, как управляется цзун, – вся иерархия местной власти предстала, как на схеме. В пер-

вом ряду на кошмах сидели восемь старейшин родов в халатах из желтого шелка, с павлиньими перьями, горизонтально укрепленными на парчовых шляпах. Стоило цзунбэню обратиться к кому-нибудь из них, как тот вскакивал и, почтительно высунув язык, замирал в низком поклоне. За старейшинами родов сидели цзангю, их помощники, – в коричневых халатах, а еще дальше – чжюбэ, одетые в лиловый шелк. Как мне объяснили, данная система управления сложилась из старинной военной организации. Ранг старейшины соответствовал когда-то командиру сотни воинов – чжюбэ (десятка). Отсюда пошел и порядок наследования: место умершего старейшины рода занимает не его сын, а старший из цзангю, место цзангю – старший из чжюбэ.

Умноженный эхом, издав далеко докатился звук выстрела. Толпа, покрывшая пестрым ковром склон горы, дрогнула и замерла в ожидании. На противоположном краю ровного поля, расстилавшегося перед шатром, стояли мишени, по которым всадники должны были стрелять на скаку из луков и кремневых ружей. Чуть дальше проходила линия финиша конных состязаний. Первым мимо нас проскакал на белой лошади всадник в белой одежде. По старинному обычаю его появление символизировало собой пожелание удачи всем участникам состязаний. Потом в густом облаке пыли показалась конная лавина. Финишировали участники гонки на дальнюю дистанцию – мальчики десяти-пятнадцати лет, сидевшие на конях без седел.

Особенно большой успех выпал в этот день на долю четырнадцатилетнего Чжэнда. Этот щуплый на вид подросток делал на своем скакуне чудеса. Когда цзунбэнь торжественно надевал на шею Чжэнда почетный белый шарф победителя в вольтижировке, лицо мальчика сияло радостью. Но, сев на коня, он снова выглядел невозмутимым, как подобает мужчине, воину. Больно было смотреть на двоих его сверстников, сидевших в шатре. Дети старейшин родов, они уже с рождения были приписаны к монастырю. Какой завистью горели их глаза!

Началось самое трудное состязание: стрельба из лука с седла. Этот вид скачек обычно проводится в Тибете на больших праздниках. По давней традиции, все сановники должны через определенное число лет принимать в них участие. Осрамиться на подобных состязаниях – значит серьезно подорвать свой авторитет.

Здесь, в долине Дам, каждый род выставил по семь лучших наездников. Группа за группой проносились они мимо. В какие-то доли секунды всадники успевали натянуть луки и, почти не целясь, выстрелить по мишеням. Каждое попадание толпа награждала восторженными криками, каждый промах вызывал улюлюканье. Смеялись и над наездником, который вылетел из седла и был унесен с переломанной ногой.

Храпящие кони, всадники в халатах разноцветного шелка, развевающиеся перья на парчовых шлемах, расшитые узорами колчаны со стрелами, блеск серебряных украшений на сбруе – все, словно кадры исторического фильма, воскрешало XVII век, когда воины Гошри-хана впервые пришли в Долину Выбора. Среди яркого великолепия старинных боевых одежд, гиканья конников и рева возбужденной толпы я чувствовал себя как герой Марка Твена, попавший на рыцарский турнир ко двору короля Артура... Об этом думал я и потом, когда ходил по ярмарке. Среди тесного круга слушателей пели старинную песню два скотовода. Ведь именно так должны были петь их предки: став на одно колено и прижавшись головами друг к другу, чтобы лучше слышать собственный голос в вое степного ветра.

Группа бродячих актеров исполняла танец оленя. Эта пантомима основана на одной из историй о легендарном поэте Миларепа. Три женщины, отбивая такт ударами в плоские барабаны, резкими голосами тянули мелодию, под которую танцевали мужчины в причудливых масках. Здесь и охотник, и олень, и сам Миларепа, принявший образ нищего, чтобы отвлечь охотника и спасти своего лесного друга от гибели.

Я разговорился с бойкой женщиной, которая после представления обходила зрителей за подношением и, видимо, была главой труппы. Многое хотелось узнать о жизни бродячих

певцов, которые преломляют в своем творчестве то, что хранит народная память и создает народная душа. Тяжело было услышать, что даже эти полуголодные бродяги должны были ежегодно отдавать монастырю Сера в счет ула часть своих ничтожных заработков.

Слово «ула» я слышал в Тибете не раз. Эта старинная трудовая повинность имеет самые различные формы. Немало скотоводов в долине Дам пасут в счет ула овец монастыря Сера. А за то, что их собственный скот пасется на монастырских пастбищах, кочевники, кроме того, платят оброк: за каждые двадцать пять овец, или пять яков, или пару лошадей полагается внести определенное количество масла, сухого творога, денег.

Среди вещей, запомнившихся нам на чириме, был большой окованный ящик с прорезями на крышке, который стоял в шатре одного из старейшин родов. Это была огромная копилка. Ежегодные празднества в долине Дам издавна стали и временем сбора податей.

К дальним стойбищам

Чтобы поближе познакомиться с жизнью тибетских скотоводов, я на следующий день отправился к дальним стойбищам, расположенным к востоку от места чирима.

Долина Дам удобна для выпаса. По краям ее тянутся горы, на склоны которых в теплое время года перегоняют стада. Летние стойбища расположены неподалеку от зимних стоянок. Поэтому скотоводам нет нужды часто менять место жилья (обычно кочевники делают это каждый месяц). Традиционное жилище тибетского скотовода – палатка из ячьей шерсти – выглядит тут более основательно. Она натягивается над глинобитными стенами, а не прямо над землей. К такому стойбищу меня и привезли. Нас издали встретили оглушительным лаем косматые псы. Это не те собаки, что валяются на улицах Лхасы, ждут подачки и взвизгнут иной раз, если на них наступят. Это настоящие звери, дикие и свирепые. На шум вышел хозяин. Лицо его, почерневшее от загара и ветра, выражало любопытство и тревогу: зачем пожаловал сюда сам правитель цзуна? Чуба из овчины мехом внутрь была надета в один рукав, прямо на голое тело. На обнаженной до плеча смуглой руке блестел браслет. Спутавшиеся темные волосы были кое-как заплетены в косу.

Вокруг палатки прямоугольником была сложена стена из аргала – лепешек сухого ячьего навоза. Это и запас топлива, и загон для овец. У входа было свалено несколько сухих кустов тамариска, обвешанных пестрым тряпьем, которое колыхалось на ветру. По ночам это своеобразное чучело отпугивает волков. Посередине загона были разостланы войлочные подстилки, на них сушился ячий творог. Старуха ударами в гонг отгоняла птиц. Вхожу внутрь палатки. Горьковатый дым аргала с непривычки ест глаза, сушит дыхание. Щель наверху, которая служит одновременно и окном, и дымоходом, пропускает достаточно света, чтобы осмотреться. В глинобитных стенах сделаны ниши. В них, как в шкафчиках, сложена незатейливая утварь – ведерки для доения овец, медные ковши, деревянная маслобойка. На очаге из камней стоит прокопченный котел. Вдоль одной из стен сложены кожаные мешки с маслом и солью. В переднем углу перед глиняной фигуркой Будды теплится несколько лампад и висит серая от пыли хата. Тут же лежит допотопное ружье.

Хозяин, которого зовут Цинпэй, не соглашается сесть рядом на войлок и в знак почтительности располагается прямо на земле. Стараясь скрыть смущение, он нервно скребет руками худое тело. С ведерком только что надоенного ячьего молока входит жена хозяина. Зачерпнув ковш, она протягивает его гостям, и тут происходит замешательство. Каждый тибетец всегда носит за пазухой свою чашку. Я слышал об этом обычае, да как-то забыл о нем. Цинпэй растерянно смотрит на жену: лишней посуды в доме нет. Но все улаживается. Иду к шоферу и одалживаю у него кружку. Ячье молоко великолепно. По вкусу оно не отличается от сливок. Потом хозяйка подносит свежий творог, овечий сыр.

Вначале на все вопросы старается отвечать правитель цзуна. Но постепенно удается втянуть в беседу самого Цинпэя. Его немногословные фразы, дополняемые самой обстановкой стойбища, штрих за штрихом воссоздают картину жизни кочевников высокогорных пастбищ в Северном Тибете. Как и все здешние дети, Цингой появился на свет под открытым небом. По старинному обычаю мать его за несколько дней до родов была изгнана из жилища и искала по ночам убежища от холода и ветра среди скота. Так издавна поступают, чтобы крики роженицы не испугали духа очага.

Едва начав ходить, мальчик уже учился ездить верхом на яке. Девяти лет он умел метко пущенными из пращи камешками заставить доверенных ему телят идти в нужном направлении. Такая сплетенная из шерсти праща издавна заменяет тибетским скотоводам пастушеский бич.

Однажды ранней осенью, когда Цинпэй спускался со стадом в долину, неожиданно налетела метель. Все скрылось в белом круговороте. Овцы сбились в кучу. Сквозь вой ветра мальчик расслышал отчаянный лай собак. Жеребенок, на котором он сидел, захрапел, почуяв волков. Их было три. Один сцепился с собаками, другие гонялись за овцами. Пустив в ход плетль, Цинпэй с трудом отогнал хищников. Навьючив на коня туши задранных овец, он с тяжелым сердцем отправился домой.

Но, вопреки ожиданиям, отец не наказал его за недосмотр. Выслушав сбивчивый рассказ мальчика, он вынул из-за пояса кинжал и протянул его сыну.

– Носи. Мужчина теперь, – как всегда сурово произнес отец и, взяв сыромятную шкуру, сел тачать первые в жизни Цинпэя сапоги.

Так рос Цинпэй. И хотя, казалось, никто ничему не учил его, знал он многое. Опыт многих поколений скотоводов, кочевавших в долине Дам, стал для него азбукой жизни. Она научила юношу читать строки великой книги мудрости – природы, неизменной и переменчивой, понятной и непостижимой. На многие вопросы, рождавшиеся в голове, Цинпэй находил ответы в запахе трав, в цвете неба, в голосах птиц. Плывущие со стороны Ньен-чен-Тангла облака означали, что можно отправляться в дальний путь, не боясь ненастья. Услышав ранним летом голос птицы кую, он был уверен: травы нынче будут хорошими. В жаркие дни Цинпэй гнал скот от стоячих водоемов, ибо вместе с осокой там росла почти неотличимая от нее ядовитая трава, от которой яки болеют.

Но было в явлениях всесильной природы и много неведомого, необъяснимого, что вызывало благоговение и страх. И весь мир, который лежал за пределами непосредственного опыта, был для скотовода населен многочисленными духами. Чтобы уберечься от их злой воли, надо было следовать старым установлениям: менять стойбище в девятый, тринадцатый или девятнадцатый день луны; забывать что-нибудь дома, если предстояла опасная дорога; менять путь, если попадался навстречу сборщик аргала с пустой корзинкой. Цинпэй не расставался с шерстяным шнурочком, который завязал ему на шее один из святых отшельников в ближнем монастыре. Пусть пришлось пожертвовать пять баранов – амулет этого стоил. Сам Цинпэй редко обращался к Будде с молитвой. Как и его отец, он верил, что главное – это сделать хорошее приношение монастырю, а уж ламы лучше знают, как помолиться, чтобы семью миновали беды. Если нужно было решить что-нибудь важное: дать имя ребенку, продать пару лошадей или отправиться на юг за зерном, – он не предпринимал ничего, не посоветовавшись с ламой.

Так шел год за годом. Суровый уклад жизни кочевий, жизни, всецело поглощенной упрямой борьбой за существование, казался навсегда предопределенным, как смена времен года, незыблемым, как горы. И зимой и летом семья просыпалась от холода. Лежа на кошмах, посланных на земле (женщины – слева от очага, мужчины – справа), люди ежились под рваными овчинами, ожидая, пока солнце растопит иней. Темная кожа на кряжистом теле Цинпэя иногда по году не знала прикосновений воды. Корка жира и грязи на коже тибетца предо-

храняет и от резких колебаний температуры, и от сухости разреженного воздуха. Поэтому, наверное, в стойбищах и бытовало поверье, что тот, кто моется, открывает болезням дорогу внутрь себя. Только раз в году, во время, установленное обычаем, отправлялись кочевники к горячим источникам, которых много в Тибете. Люди давно уже постигли чудодейственную силу пузырящейся, дурно пахнущей воды, которая дает бодрость, исцеляет от недугов.

Первой в семье вставала старуха мать. Она приносила несколько лепешек аргала и, надсадно кашляя, раздувала меховым рукавом огонь в очаге. Жена, взяв деревянную кадушку, отправлялась к ручью за водой. Дочери уходили доить овец и яков. Когда закипала вода, сбивали чай с маслом и солью и, обжигаясь, пили мутный желтоватый напиток, чтобы не потерять ни капли драгоценного тепла. Даже зимой в насквозь продуваемой ветром палатке редко удавалось посидеть перед огнем. Топлива едва хватало на приготовление пищи. Весь день каждый был занят своим делом, дела эти переходили по наследству из поколения в поколение. Мужчины выгоняли на пастбища скот, пряли ячью шерсть, чтобы потом плести из нее веревки и ткань полотнища для палаток. Зимой мяли шкуры, шили на всю семью одежду и обувь. Женщины доили коров, кормили ягнят и телят, сбивали масло, делали сухой творог – чуру.

Даже в зажиточных семьях ели дважды в день: первый раз после дневного удоя, второй – на закате. Цзамбу расходовали с оглядкой: ее приходилось покупать. А питались в основном чурой, реже – вяленным мясом. Никто в долине Дам не употреблял в пищу зелени. Поэтому особенно важным для семьи скотовода был чай. Как купить нужное количество зерна и кирпичного чая – вопрос, над которым Цинпэй каждый год ломал себе голову. Почти все, что давал в хозяйстве собственный и монастырский скот, уходило на подати и на питание. Для продажи оставались крохи. Поэтому, как и в других стойбищах, в семье Цинпэя кто-нибудь ежегодно отправлялся в дальнее и рискованное путешествие за солью. Если спуститься в долину Брахмапутры во время уборки цинко, выюк соли можно обменять на выюк зерна.

Старейшины решали, кого из рода послать, ламы назначали день выезда. У кого не было выючных яков, нанимались за часть соли в погонщики к тем, кто побогаче. Три-четыре месяца уходило на путь к далекому озеру Себо и обратно. Нелегкая поездка! Но иначе не прожить. Как же чай? Его за соль не купишь. И это всегда было самой неразрешимой проблемой. Хорошо, если удавалось заработать немного извозом. За провоз пары выюков через долину Дам купцы давали один кирпич чая. Но эти сделки обычно заключал сам монастырь или старейшины родов.

Однажды Цинпэй возвращался из поездки за зерном. Вдруг какой-то странный звук нарушил покой долины. Не успел Цинпэй опомниться, как что-то огромное, черное, храпящее показалось из-за гребня холма. Это существо мчалось на него с такой быстротой, что даже ног нельзя было различить. Яки кинулись врассыпную. Да и сам скотовод испугался не меньше их. Лишь когда тишина снова сомкнулась над долиной, он пришел в себя и сообразил, что это была автомашина.

Вскоре удалось рассмотреть ее вблизи. Она стояла у ручья, а водитель поил ее водой. Осмелев, Цинпэй даже потрогал рукой то, что поразило его больше всего: колеса. Тибет с его горными тропами испокон веков не знал даже примитивной повозки. Ноги животного или человека казались здесь людям единственно возможным средством передвижения. Грузовик, который осматривали тибетцы, вез кули кирпичного чая. Когда потом Цинпэй рассказывал в своем стойбище, что одна машина везет больше чая, чем восемьдесят яков, ему никто не хотел верить. А потом поверить пришлось. Иначе как объяснить, что цены на чай стали падать от ярмарки к ярмарке?

Прежним руслом течет суровая жизнь кочевий. Но какой-то просвет обозначился в привычном потоке дней, хотя Цинпэй и не совсем сознает – в чем. Он узнал, что есть люди,

которые ездят по кочевьям, чтобы лечить скот. Один из них смотрел у него телят. И этот человек, которому сам старейшина рода почтительно подносил хата, не только не взял денег, но говорил с Цинпэем так, словно сам был бедным пастухом. Приехав на чирим, Цинпэй в один из вечеров пошел посмотреть на движущиеся картины. Вместе с десятками скотоводов он сидел, напряженно устремив глаза на экран. Сначала перед ним мелькали диких животных жилища, странно одетые люди. Голос на тибетском языке рассказывал что-то. Но Цинпэй был слишком взволнован необычностью увиденного, и слова, как и картины, проходили сквозь сознание, не задерживаясь в нем...

Но вот будто искра пробежала по толпе, застывшей перед экраном. Цинпэй увидел знакомые ему высокогорные пастбища. Прошло стадо овец. Но что за овцы! Большие, а шерсть длинная, чуть ли не как у яка. И тут впервые прислушался Цинпэй к голосу невидимого рассказчика. Диктор говорил о новых породах скота, о том, как ухаживать за молодым, для чего нужны прививки. И все это проходило перед глазами в виде живых картин.

Цинпэй вспомнил о высокогорном озере Мапам Юмцо. Со всех концов Тибета ходят туда люди и долго сидят на берегу, вглядываясь в водную гладь. Говорят, если человек испустил свои грехи, на зеркале озера он может увидеть, что предвещает ему судьба. И вот теперь Цинпэю казалось, что на куске полотна, привезенного из-за гор, он, словно в озере Мапам Юмцо, видит картины своего будущего.

В роли первооткрывателя

Автомобильное сообщение откроется недели через три. А пока нет переправ ни через Брахмапутру, ни через реку Нянчу. Да и трасса еще не везде проложена...

С вытянувшимся лицом смотрю на карту, по которой меня знакомят с обстановкой на строительстве автодороги Лхаса – Шигатзе. По ней я намеревался ехать на юг Тибета. Всего триста тридцать километров! В Европе этот отрезок пути не посчитали бы за расстояние. Но я нахожусь среди нагромождения обледелых хребтов, которое именуется Тибетом. Здесь не то что километру – человеческому шагу иная цена.

Вглядываюсь в каждый изгиб сдвоенной линии, которой на карте обозначена дорога. Она упирается в голубую полосу. Это Брахмапутра. На другом берегу реки трасса продолжается пунктиром. Помню, в первые дни путешествия в Тибет, когда землетрясение на целую неделю закрыло дорогу через Эрланшань, я горячился, спорил, предлагал двигаться к перевалу хоть пешком... С тех пор позади осталась не одна тысяча километров горных дорог. Они достаточно охладили мой пыл, и на пунктир за Брахмапутрой я смотрю вполне трезво. Как же все-таки быть? Долго ждать нельзя. Уже октябрь, и мои сопровождающие беспокоятся об обратном пути в Пекин: скоро на перевалах начнутся снежные бураны. Неужели так и не удастся побывать на юге Тибета, в долине Брахмапутры, посмотреть его второй по величине город – Шигатзе, резиденцию панчен-ламы? После долгих споров решаем: доехать по готовому участку шоссе хотя бы до Брахмапутры, а там видно будет.

Великая река Азии, которая в своем верховье носит имя Цангпо, течет по Тибету с запада на восток более тысячи километров. Река Кичу, на которой стоит Лхаса, впадает в нее слева. Выше по течению, у города Шигатзе, она принимает правый приток – реку Нянчу. Берега Брахмапутры и этих ее притоков – главные сельскохозяйственные районы Тибета. Здесь, вдоль речных долин, живет большая часть населения высокогорного края, расположены его крупные города.

Сборы мои коротки. Два с лишним месяца походной жизни превратили меня в кочевника, отучили брать с собой лишнее и забывать нужное. Каждая из необходимых в дороге вещей обрела свое постоянное место.

Сразу же за Лхасой поражает необычный вид дороги. С обеих сторон ее белеют аккуратно выложенные из камней полоски. Через каждые двести метров то справа, то слева показываются башенки из необожженного кирпича. Это – жертвенники, какие часто видишь на крышах тибетских домов. Над башенками поднимаются синие струйки дыма. Кто-то заботливо заполнил их хвоей для молитвенных воскурений. Стены окрестных монастырей сияют белизной. Их только что заново покрасили, подновили охрой карнизы. Ломаю голову над тем, в честь чего весь этот парад. Может быть, приближается какой-нибудь религиозный праздник? Но причина оказывается иной. Накануне по этой самой дороге проезжал далай-лама. Встречные монахи, наверно, принимают мой «ГАЗ-69» за его эскорт: очень уж усердно они кланяются!

След земного бога скоро остается в стороне. Зато начинает казаться, что мы сами взбираемся куда-то на небеса, в обиталище богов. Разросшиеся горы надвигаются со всех сторон. Ни селений, ни монастырей больше нет. Ржавая трава альпийских лугов сменяется низкорослым кустарником. Корявые стволы его жмутся к земле, будто упираясь верхушками в невидимую черту, обозначающую границу органической жизни. Растительность имеет какой-то непривычный лиловатый оттенок. Таким же чернильным выглядит небо, напоминая о близости космических пространств. Глубокое безмолвие разлито вокруг. Даже прозрачные ледяные потоки струятся с гор бесшумно. Воздух застыл в холодном оцепенении. Невольно хочется разговаривать шепотом. Каждый звук отдается в ушах, как пушечный выстрел.

Впереди вот уж второй день неотступным видением маячит исполинский снежный пик. Мы едем и едем. Горные цепи меняют очертания. Остаются позади седловины, ущелья. А пик неизменен. Он словно плывет от нас, как призрак, закутанный в таинственное белое покрывало. Это один из самых высоких в Тибете пиков: семь тысяч восемьдесят восемь метров над уровнем моря. Даже здесь, где почти не бывает сумерек, вершина его еще долго пылает кровавыми отблесками ушедшего дня. Так высоко к солнцу поднята она природой.

Машины ползут на гору Сюйгэла. Пятна снега постепенно сливаются в сплошной белый покров. На фоне отполированных ветрами, обледеленых склонов темнеют только отвесные кручи, где снег не может удержаться. Наконец-то добираемся до перевала. Рекорд высоты за все мое путешествие – пять с половиной тысяч метров над уровнем моря. Будь на этом месте вершина Казбека, она оказалась бы под нами. Трудно дышать. Но я все же задерживаюсь на несколько минут, чтобы полюбоваться хаосом хребтов, над которыми высится горный пик – все такой же далекий, грандиозный, незыблемый.

Вздумалось опустить брезентовый верх «газика». Солнце прогревает так усердно, а горы вокруг так неповторимы в своей могучей, подавляющей красоте, что хочется ехать в открытой машине. Водитель смотрит на это новшество весьма скептически. Он натягивает поверх кепки соломенную крестьянскую шляпу, надевает полушубок. Мне же приходится дорого заплатить за свое легкомыслие. Высокогорный воздух обладает свойством прекрасно пропускать солнечные лучи и совершенно при этом не нагреваться. Солнце даже через свитер жжет грудь и плечи, а спину в это время пробирает холодок, будто она опирается о ледяную глыбу. Вдумай я и дальше ехать так, наверняка простудился бы.

Впрочем, до этого дело не доходит. Солнце тридцатой параллели в сочетании с ветром за каких-нибудь два часа буквально обугливает меня. К вечеру моя физиономия пылает красками заката. Даже щетина на подбородке приобретает девический, нежно-золотистый оттенок. Но если от солнечных лучей можно закрыться, то как уберечься от сухости здешнего воздуха? Мои губы превратились в спекшуюся, кровоточащую рану. Слишком поздно я внял совету постоянно смазывать их жиром. Трескается, шелушится кожа на лице и руках, ломаются ногти. О сухости воздуха напоминают и другие сюрпризы. Открыв мыльницу, обнаружил в ней белую пыль. Мыло настолько пересохло, что от ударов о стенки искрошилось в порошок. То и дело рвется пленка в фотоаппарате. Ругаю ни в чем не повинную технику,

пока не догадываюсь, что она тут ни при чем. Даже промасленная вощанка, в которой я храню запасные кассеты, стала хрупкой и ломается от прикосновения.

К концу второго дня пути от Лхасы остановились на ночлег в восьми километрах от Брахмапутры. Это перевалочная база стройки: несколько палаток, склад горючего. Не терпится узнать про переправу. Паром еще не сдан в эксплуатацию. Но завтра «в порядке опыта» на правый берег будет переброшена колонна грузовиков с металлоконструкциями для моста, который должен быть наведен через Нянчу у города Шигатзе. Строители переправы согласились заодно перевезти и нас.

Назавтра около полудня мы отчаливаем. Там, где паром подобно маятнику размеренно движется от берега к берегу, Брахмапутра не широка. Но великая азиатская река дает почувствовать свою мощь. Глянцевитая движущаяся масса воды вскипает от прикосновения к каждому канату, к каждому выступу парома. Медленно приближаемся к правому берегу. Там темно от людей. Сотни местных жителей вышли встречать первые машины. Вперед выходит правитель цзуна в парадном одеянии и вручает мне хата. Девушки с поклонами подносят глиняные кувшины с цяном – мутным, кисловатым напитком, напоминающим кумыс.

Через несколько десятков километров обгоняем грузовики с металлоконструкциями и теперь первыми прокладываем автомобильный след по южному берегу Брахмапутры. Крестьяне, работающие на полях, бросают мотыги и бегут навстречу. У каждого селения дорогу нам преграждает плотная стена людей. Шоферы тормозят. Толпа мгновенно смыкается вокруг.

Самые уважаемые в деревне старики выходят с тибетским «хлебом-солью»: блюдом жареной ячменной муки, украшенной фигурками из масла. К ветровому стеклу «газика» привешивается еще один белый шарф. А как только мы трогаемся, из толпы сыплется град зерен – народное пожелание счастья и благополучия.

До Шигатзе остается еще почти половина пути, когда дорога вдруг кончается. Рельеф на следующем участке сравнительно несложный, и трассу тут решили прокладывать в последнюю очередь. Теперь приходится ехать по бездорожью. Местами кажется, что вокруг самая настоящая пустыня. Ураганные ветры вылизали песчаные дюны, привели их в движение, превратили в барханы. Машины ныряют по застывшим волнам песчаного моря, лавируя среди острых скал, которые торчат из песка, как зубы из десен. Нас швыряет на сиденьях так, что кажется – вот-вот душа расстанется с телом.

Сворачиваем южнее. Короткие тибетские сумерки догоняют нас, когда впереди начинают поблескивать воды Нянчу. Там, за рекой, Шигатзе. Но город, лежащий у подножия горы, скрыт быстро густеющей тьмой. Грузимся в лодки из ячьих шкур. Другого переправочного средства нет. Ведь будущий мост движется где-то далеко позади. Хорошо, что хоть нашлись перевозчики! Прямоугольное кожаное суденышко, натянутое на каркас из тонких деревянных планок, весит так мало, что один человек носит его на плечах. Фигуру бродячего лодочника часто можно видеть на тибетских дорогах.

Вид у меня весьма экзотический: лицо намазано белым кремом, черные, потрескавшиеся губы. Стараюсь не потерять равновесия: стоять нужно на планках, широко расставив ноги, иначе кожаное днище лодки может прорваться. Рядом – черная, как нефть, вода. Я не только слышу – чувствую, как пульсируют ее упругие струи. Лодка несется куда-то во тьму, где еле различима черта противоположного берега.

Я вспомнил эту ночную переправу, когда через две недели возвращался в Лхасу из поездки по Южному Тибету. Над Нянчу красовался мост. Смонтировали те самые фермы, которые на моих глазах были переправлены через Брахмапутру. Там, где мы ныряли по барханам, лежала прямая, как стрела, трасса. Навстречу попались несколько машин. Движение уже открылось. Но приятно было сознавать, что роль первооткрывателя этого шоссе навсегда принадлежит мне.

Шигатзе – резиденция панчен-ламы

Город Шигатзе, расположенный на высоте 3900 метров над уровнем моря, издавна соперничает с Лхасой как политический и религиозный центр. Но если влияние Лхасы доминирует в Переднем Тибете (или области У), то Шигатзе претендует на подобную роль в Заднем Тибете (или области Цзан).

Второй по величине тибетский город почему-то показался мне меньше, чем я ожидал. Возможно, причина тому – старинная крепость. Она совершенно подавляет своим величием домики восемнадцатитысячного города, которые нестройной толпой жмутся к ее стенам, словно ища защиты от невидимого врага. Возле крепости раскинулся большой, шумный базар. Пришедшие из-за Гималаев торговцы развешивают яков, раскладывают по земле свои товары. Тут же трудятся мастеровые, чтобы не тратить времени в ожидании покупателей. Торгуют коврами, сбруей, серебряными украшениями и всякой пестрой мелочью, без которой не обходится ни один базар Востока.

Крепость, или по-тибетски цзун, Шигатзе – один из замечательных памятников тибетской архитектуры. Только Потала может сравниться с ним по грандиозности художественного замысла. Строгая, сдержанная простота, которая отличает цзун Шигатзе, позволяет судить об изначальных особенностях тибетского национального зодчества. Кажется, что серые башни крепости высечены из той самой скалы, над которой они возвышаются. В их контурах еще отчетливее, чем в Потале, видна характерная черта тибетской архитектуры: сходящиеся кверху линии, как бы воспроизводящие очертания горных склонов.

Другая достопримечательность Шигатзе – резиденция панчен-ламы, монастырь Ташилумпо (что означает «многославный»). Его основал в 1447 году один из создателей секты «желтых шапок» и ближайших учеников Цзонхавы, ставший впоследствии далай-ламой первым.

Подобно трем великим монастырям близ Лхасы, Ташилумпо должен был иметь предписанное число монахов – 4444. (Напомню, что подобными символическими цифрами для лхасских монастырей считались: Ганден – 3333, Сера – 5555, Дрепан – 7777.) Еще со Средних веков во владение Ташилумпо было пожаловано 68 земледельческих угодий и 62 пастбища. Там трудились 33 тысячи крепостных семей. Благодаря им монастырь ежегодно получал 3000 тонн ячменного зерна и 124 тонны топленого масла, не считая денежных приношений.

Главный молельный зал Ташилумпо не уступает по своему величию европейским готическим соборам. Его расписные потолки опираются на сорок восемь массивных деревянных столбов, среди которых стоит золотой трон панчен-ламы. В зале может одновременно молиться половина предписанного для монастыря числа монахов. А в дни массового паломничества местом проповедей и богословских споров становится просторный двор, вымощенный гималайским камнем и украшенный с четырех сторон тысячей буддийских изваяний. В Ташилумпо находятся погребальные ступы с останками далай-ламы первого и нескольких панчен-лам. Самая большая усыпальница была возведена в 1666 году для панчен-ламы четвертого, при котором монастырь обрел свой нынешний облик. Эта одиннадцатиметровая ступа в форме гигантской бутылки сделана из золота – настолько чистого, что прогибается от нажатия пальцем. Но несравненно больше, чем 85 килограммов этого металла, стоят украшающие ступу драгоценные камни. Даже в необработанном виде, без граней и шлифовки, эти изумруды и рубины величиной с куриное яйцо светятся в полумраке, как огни светофоров, словно аккумулируя тусклый свет лампад. Немногим уступает по своему великолепию и более поздняя усыпальница панчен-ламы восьмого.

Ташилумпо славится также самой большой в Тибете буддийской статуей. Бог грядущего – Майтрея, восседающий в цветке лотоса, действительно одно из скульптурных чудес света. Статуя высотой более 26 метров окружена семирусной галереей, позволяющей хорошо ее рассмотреть. Лишь поднятый для благословения правый указательный палец Майтреи имеет метровую длину. А священный белый волос между его бровей сделан из 33 алмазов и 1440 жемчужин. На всю же фигурку пошло 279 килограммов золота, почти столько же серебра и 116 тонн бронзы. Над созданием статуи четыре года трудились сто десять лучших мастеров. Золотые кровли Ташилумпо видны в Шигатзе отовсюду. Северо-западнее монастыря есть отвесная стометровая круча, специально вырубленная на склоне горы, чтобы в праздники вывешивать там гигантские тангка – традиционные для ламаистов картины религиозного содержания.

В отличие от Переднего Тибета в Шигатзе портреты панчен-ламы не менее популярны, чем далай-ламы. Не только в монастырях, но и в жилищах мирян. В религиозном смысле оба высших иерарха равны. Далай-лама (буквально: «великий, как океан») почитается верующими как перевоплощение бодисатвы Ченрези (двенадцатирукого Авалоки-тешвары). Панчен-лама (буквально: «великий наставник») являет собой бодисатву Эбам (Амитаба). Равенство их сана подтверждается, в частности, тем, что каждое новое перерождение одного должно утверждаться другим. Кто в данном случае старше по возрасту, тот нарекается учителем, а кто младше – учеником.

Однако, после того как далай-ламы стали как бы наместниками китайских императоров в Тибете, на их авторитете и влиянии не могли не сказаться размеры обретенной ими светской власти. Не случайно буддисты в соседних азиатских странах считают своим духовным главой именно далай-ламу, хотя теоретически ранг панчен-ламы ничуть не ниже.

Еще во времена Цинской династии правители Китая пытались играть на противоречиях между двумя высшими иерархами ламаизма. В 1728 году они задержали в Пекине далай-ламу седьмого и предложили панчен-ламе пятому править Тибетом, но тот отказался. Позднее китайские власти пытались оказать нажим на далай-ламу тринадцатого с помощью панчен-ламы восьмого. Из-за этого панчен-лама в 1923 году был вынужден бежать из Тибета и умер в провинции Цинхай. Из родившихся там младенцев был избран его преемник, который смог вернуться в Шигатзе лишь с войсками Народно-освободительной армии в 1951 году.

Я встретился с панчен-ламой девятым не в монастыре Ташилумпо, а в старинном дворце Дэцян Поцан, где он живет летом. У ворот меня ожидала целая ассамблея сановников в старинных официальных одеждах. Они сидели рядами на ступенчатой галерее сообразно своему рангу.

Путь от входа до приемной было бы невозможно повторить без провожатого. Узкие коридоры, неожиданные повороты. То спуски, то подъемы по крутым стертým ступеням. Дворец, несомненно, строился с расчетом на то, чтобы было удобно обороняться от неожиданного набега врага. Комната, в которой меня принял панчен-лама, отличалась от других помещений дворца прежде всего обилием света. Широкое окно открывало прекрасный вид на долину реки Нянчу и окрестные горы. Солнечные лучи горели на желтом атласе стен, на золоченой резьбе, которая покрывала подпиравшие потолок деревянные столбы. Слева от окна стоял столик с армейским полевым телефоном. Всю остальную стену скрывали застекленные ниши, заставленные бронзовыми статуями святых.

Пока я вручал хата и усаживался, панчен-лама оглядывал меня с нескрываемым интересом. По его юношескому лицу было видно, что и он разделяет то чувство любопытства, с которым я шел сюда.

После того как рассеялась неловкость первых минут визита, беседа потекла довольно непринужденно. Панчен-лама с большим удовлетворением отметил восстановление внутреннего единства в Тибете.

– Враждебные силы, – говорил он, – старались раздуть раздоры между мной и далай-ламой, чтобы разделить тибетский народ и властвовать над ним. Мирное освобождение Тибета положило этому конец. Внутренняя разобщенность исчезла...

Речь панчен-ламы переводил почтительно стоявший за его спиной председатель Коллегии совета – исполнительного органа, который играл в Шигатзе такую же роль, как Совет колонов в Лхасе, у далай-ламы. Другой сановник сидел на полу, ведя запись беседы.

– Центральные власти, – продолжал панчен-лама, – строго соблюдают Соглашение о мирном освобождении Тибета. Они уважают религиозные чувства, нравы и обычаи тибетцев, открывают школы, больницы, магазины. Кустари, торговцы, земледельцы, скотоводы получают ссуды. Все это очень важно для Тибета...

За время поездки по югу Тибета я убедился, что панчен-лама и его администрация поддерживают культурные и хозяйственные начинания центра. Более того, Коллегия совета сама сделала первые шаги в интересах благосостояния народа. Было, например, решено аннулировать проценты по долгам, существовавшим до 1951 года, а по новым долгам – снизить их на одну треть. Однако особенно плодотворным было сотрудничество местной тибетской администрации и центральных властей после опустошительного наводнения, обрушившегося на район Шигатзе – Гьянтзе.

Выплеснувшееся озеро

Речные долины Южного Тибета. Золотые поля цинко. Поймы, зеленеющие сочной травой. Густые кроны тополей у селений. На всем этом отдыхает глаз после безжизненной природы взгорий. Здесь, у колыбели Брахмапутры, – край земледельцев. Сюда с севера приходят за зерном кочевники.

Я еду от Шигатзе вверх по реке Нянчу. Горы расступились, и она течет спокойно, словно отдыхая на широком галечном ложе. Неужели эта степенная с виду река могла натворить прошлым летом столько бед? Ведь именно тут, в долине Нянчу, в 1954 году произошло небывалое в истории Тибета наводнение. Много селений встретилось на пути. Под каждой крышей – своя жизнь, свой маленький мир. Но нет ни одной семьи, которой не коснулся бы этот удар слепой, необузданной стихии.

Почти все то, что рассказал мне о своей судьбе крестьянин Сонам Дорджи, можно было бы услышать от любого земледельца в этой долине. День бедствия застал Сонама в монастыре Ташилумпо. Отрабатывая ула за себя и за трех братьев, он уже больше двух месяцев развозил по монастырским кельям аргал, таскал на спине деревянные бадьи с водой и скоро должен был вернуться в родную деревню на время уборки.

И вот – бегущие в панике люди, перекошенные от ужаса лица. Вода! Вал высотой в три человеческих роста катился по долине, обрушился на предместья Шигатзе, поглощая вырванные с корнем деревья, черные фигурки людей...

Что же произошло? В то время никто, конечно, не знал о катастрофе, случившейся в верховьях Нянчу. Река эта вытекает из озера, которое лежит на горном склоне. Таких озер, образованных ледниками, в Тибете много. Сползая вниз, ледник наращивает впереди себя гряду моренных отложений. Она, как дамба, задерживает талые воды и становится берегом озера. В тот жаркий день июля от ледника откололась и свалилась в озеро острая глыба. Пробив рыхлую породу моренного берега, она образовала в нем широкую щель, куда устремилась вода. Озеро как бы выплеснулось из берегов. Семиметровый водяной вал, прокатив-

шийся по долине Нянчу, унес сотни человеческих жизней, смыл до основания десятки деревень, оставил без крова более двадцати тысяч человек.

Монахи в Ташилумпо молились. Всю ночь и весь день прибывала вода. Теперь уже тихо, без шума и пены, в каком-то зловещем спокойствии. Люди продолжали стекаться к крепости и монастырю. Только на высоких местах можно было чувствовать себя в безопасности. Но мог ли оставаться там Сонам Дорджи? Мог ли он еще хоть час терпеть мучительную неизвестность? До дома – один конный переход. Но теперь приходится петлять горами, то и дело огибать образовавшиеся заливы. Тропинок нет: острые, каменистые подъемы, неожиданно выгибающиеся дугой спуски. Сонам Дорджи бредет, шатаясь, не чувствуя ни голода, ни усталости, ни боли в распухших, израненных ступнях. Ночь застает его в расселине скал. Он валится на землю, не в силах даже развязать висящий на поясе мешочек с цзамбой. Смертельная усталость смежает веки, разливается по телу тяжелым оцепенением. Но воспаленный мозг крестьянина не может забыться сном. Доберется ли он завтра до своего жилища? Что ждет его там? Лихорадочные видения с необыкновенной отчетливостью встают перед глазами.

...Сонаму Дорджи кажется, что он видит родной дом. Серые стены из необожженного кирпича, прилепленные к ним сохнувшие лепешки аргала. Вот шагает через порог отец – еще крепкий, умудренный годами старик. В руках у него несколько только что сорванных колосков ячменя. Торжественно, будто творя молитву, отец растирает их жесткими ладонями, дует на полосу. Выбрав одно из зерен, раскусывает его, снова складывает половинки. Если зерно выглядит как целое – ячмень созрел, можно убирать... Веселую суету уборки Сонам любит с малолетства. Прямыми, как ножи, серпами женщины ловко срезают колосья, вяжут снопы за снопом. Мужчины навьючивают их на яков – колосьями вниз, чтобы не обломались. Яки тянутся к зерну и довольно фыркают. Эти дни – награда за целый год тяжелого труда. Поля, которые засевают жители деревни Чундуй, когда-то были дном Нянчу. Забросав свое ложе камнями, река оставила его людям, выбрав новое русло.

Каждый год земледельцы расчищают свои участки от камней, мастерят плотины, чтобы в дни таяния снегов направить воду на поля. Но стоит весне взяться дружнее, как река гневно закипает и разрушает эти нехитрые сооружения. И опять люди с упорством муравьев восстанавливают их – до следующего большого паводка. Природа могущественна, она словно смеется над человеком. Но человек не опускает рук, старается понять ее нрав. Многие можно разгадать, предвидеть по старинным приметам, зная, как движется жизнь по годовому кругу. Вести счет дням, соразмерять свои поступки с бегом времени людям помогает солнце. Летом оно ходит длинной дорогой, через середину неба, зимой пробирается краешком. Но в полдень оно всегда стоит над вершиной горы Верблюжий Горб. Полуденная тень этой горы, как календарь, говорит земледельцу о том, для каких работ наступила пора. Весной тень отступает вместе с холодами. Как только солнечным лучам откроется большой серый валун, одиноко лежащий на пустоши, все знают: время пахать.

Нелегко вгрызаться в землю деревянной сохой. Хорошо еще, если есть в хозяйстве пара яков. Немало соседей ковыряют свои участки самодельной мотыгой – палкой с сучком, на который насажен рог. Поле пашут наискосок. Старики говорят, что только так можно согнать с земли в один угол злых духов, чтобы придавить их потом камнями. Некоторым духам, наверно, все же удастся ускользнуть. Обратившись ветром, они потом выдувают из почвы семена, разбросанные рукой сеятеля, опутывают всходы серебряной паутиной инея, ломают колосья крупным, как голубиное яйцо, градом. Цинко встает редкий, низкорослый, и каждый колосок его на счету у крестьянина.

Однако чем труднее достается урожай, тем радостнее кажется пора уборки. Две трети зерна надо везти в монастырь Ташилумпо в виде арендной платы и приношений. Но ничто

так не радуется сердце земледельца, как несмолкающие до поздней ночи звуки гонгов, которыми женщины отгоняют птиц от ячменя, рассыпанного на крышах для просушки...

Ощущение острого, пронизывающего холода заставляет Сонама Дорджи очнуться. На склонах горят костры. Тысячи бездомных коротают ночь под открытым небом. Внизу, насколько хватает глаз, искрится в отблесках пламени черная гладь. Кажется, не вода – само человеческое горе разлилось там. Глядя на все это, Сонаму трудно поверить, что болезненное состояние полусна на целых три часа вырвало его из действительности. До рассвета еще далеко, но человек заставляет себя встать и, с трудом передвигая кровотокающие ноги, бредет, как лунатик, проваливаясь в ямы, скользя по кручам осыпей. Теперь он уже сам силится возродить в своем сознании мир грез. И взвинченный горем, усталостью мозг подчиняется ему. Воображение вновь рисует Сонаму Дорджи образы родного гнезда. Он видит себя дома, среди детей. Снизу доносится песня. Это поет Чжума, жена. Она сидит у очага, калит на огне глиняную миску с песком и поет. Песня эта длинная, старая. Ни одна женщина не станет без нее жарить зерно на цамбу. Когда снять миску с огня, когда бросить в нее горсть ячменя, сколько времени перемешивать, когда высыпать песок с зерном на сито – все это подскажет песня. Куплеты ее – мудрый счет времени. Но Чжума поет не только за работой. Она вообще любит петь – весело, задорно. Вот уже двадцать пять лет Сонам Дорджи знает ее такой.

В памяти всплывает день их свадьбы. В таком же предрассветном сумраке друзья усадили за невестой. Они передадут ей стрелу с бирюзовым наконечником и с лентами красного, белого, зеленого и желтого цветов. Бирюза – это камень человеческой души. Ленты – четыре стороны света. Подарком этим жених говорит: «Для души моей весь мир воплощен в моей возлюбленной!» Но почему друзья так долго не возвращаются? Ведь родители Чжумы приняли дары – «плату за материнское молоко». Значит, брак – дело решенное. В чем же дело? Стараясь не показывать волнения, Сонам ходит вокруг свадебного шатра, разбитого возле дома. Наконец со стороны соседнего селения показывается кавалькада всадников. Задержка объясняется просто. На весь день она служит гостям поводом для шуток. По обычаю невеста едет в дом жениха на кобыле, у которой непременно должен быть жеребенок-сосунок. А кто-то из земляков Чжумы в шутку или по злему умыслу накануне угнал эту лошадь на верхнее пастбище... Лицо Чжумы в слезах. Это тоже обычай. Но не зря говорит пословица: «Уезжая из дому, невеста глазами плачет, а ногами в стремях танцует». Найдя в толпе жениха, глаза девушки загораются радостью. Сонам берет кобылу за повод, кладет рядом мешок с зерном, накрывает его леопардовой шкурой. Сходя с лошади, невеста должна ступить на эти дары, тогда сила и достаток всегда будут сопутствовать семье. Потом Чжума принимает от свекрови кувшин с молоком, ставит его на огонь. Обмакнув палец, бросает в пламя жертвенную каплю. Теперь дух очага знает, что в семью вошел новый человек...

Младшие братья Сонама Дорджи перешептываются в углу, с любопытством смотрят на Чжуму. Достигнув совершеннолетия, они тоже станут ее мужьями. Ведь в тибетских домах издавна повелось брать для всех сыновей одну жену. И оттого, что дети их считаются общими, имущество семьи никогда не делится. Чжума понравилась всем. Она действительно стала хорошей женой каждому из братьев, хорошей хозяйкой в доме. Она всегда умела поддерживать согласие между своими мужьями, родила им семерых детей. Сонам Дорджи часто думал:

«Вот бы и сыновьям найти такую жену. Тогда бы знал наверняка: хозяйство не захиреет, пойдет в гору!..»

Чжума! Где-то она теперь? Живы ли дети? Размышления крестьянина прерывает движущийся навстречу караван. Яки второпях навьючены домашним скарбом. Подавленные, безразличные к окружающему, бредут люди. Сонам Дорджи кидается к ним. Как ни страшно спрашивать о родной деревне, терзаться неведением еще тяжелее.

– Селение Чуньдуй? – слышит он в ответ. – От него не уцелело ни одного дома. Все, кто остался в живых, устроились на пустоши, вон за теми холмами.

Как лошадь, ударенная плетью, кидается вперед Сонам Дорджи. Вот наконец и гребень горы. За ним – будто табор кочевников раскинулся по склону. Дымятся костры, плачут дети. Женщина с распущенными волосами бросается к Сонаму. Чжуму трудно узнать. Глаза ее сухи, в них словно угасла жизнь. Усевшись у костра, Сонам Дорджи молча слушает торопливый, сбивчивый рассказ жены и братьев. В тот день почти вся семья полола цинко. Дома были только старики и младший сын: он пригнал скот на дневное доение. Около полудня с юга послышался шум, похожий на раскаты отдаленного грома. Он звучал непрерывно, все нарастая. Кто-то крикнул:

– Вода идет!

К счастью, дом стоял недалеко от подножия горы. Собрав в охапку ребятишек, старики успели вовремя подняться на склон. Только младший мальчик не хотел бросить стадо. Он кричал на животных, но те заупрямились, не шли из загона. Волна набежала, и в ней погиб двенадцатилетний Лхаба, погибло все стадо – семь яков и четыре овцы...

Здесь, на пригорке, семья сидит уже третий день. Жгут сухую колючку, кипятят воду, чуть забеленную молоком двух оставшихся овец. Сонам ловит голодные взгляды прижавшихся друг к другу детей. В глазах отца, братьев один и тот же безмолвный вопрос: что делать? Многие односельчане уходят к родственникам в дальние деревни. Им же некуда идти, неоткуда ждать помощи. Над семьей встал призрак голодной смерти. Но помощь пришла. Через пять дней после наводнения, когда Нянчу еще не успела сбросить в Брахмапутру воды выплеснувшегося озера, бездомные люди заметили на перевале колонну всадников. Это были китайцы в военной форме.

– Нет ли среди вас больных, раненых? С нами врачи, они могут посмотреть, полечить, – спросил по-тибетски один из солдат.

Высунув кончик языка, отец Сонама Дорджи поклонился и почтительно поблагодарил.

– Мы приехали, чтобы оказать только первую помощь, – продолжал китаец. – Если нет больных, двинемся дальше. А чтобы вам не оставаться под открытым небом, возьмите у нас вот эту палатку.

– Спасибо вам за участие, – отвечал старик. – Но даже когда у семьи были дом и скот, мы, пожалуй, не купили бы такую дорогую вещь. А теперь, сами видите, у нас нет ничего, кроме нашего горя.

Приезжие пояснили, что армейское имущество раздается жертвам наводнения бесплатно. Палатка была добротная, брезентовая, с крепкими джутовыми канатами – не сравнить с теми, что ткнут из ячьей шерсти кочевники. Появился кров. А через неделю старейшина волости созвал всех на сход и объявил: власти знают о бедствии, которое постигло долину Нянчу. Пострадавшие должны зарегистрироваться, и каждому едоку выдадут по две меры ячменя...

Дети с радостным визгом кинулись навстречу мужчинам, когда те внесли в палатку мешки с зерном. Его тут же принялись жарить, толочь круглым камнем и впервые за много дней досыта наелись цзамбы.

Вода постепенно спала, и жители селения Чуньдуй отправились раскапывать остатки своих разрушенных домов. Кое-что из утвари удалось собрать. Сонама Дорджи особенно обрадовало, что опорные столбы и бревна перекрытия сохранились, придавленные камнями. Мужчины воспрянули духом. Но Чжуму не оставляла тревога. Ее пугали наступающие холода. Почти вся зимняя одежда, лежавшая на плоской крыше дома, была унесена водой. Однако еще до первых заморозков крестьянам раздали теплые вещи. Сонам принес два стеганых одеяла, три ватные армейские куртки, столько же брюк, ботинки на меху.

Чтобы предоставить пострадавшему населению возможность для заработка, власти начали строительство автомобильной дороги от Шигатзе к городу Гьянтзе. Плату на стройке установили вдвое больше обычной и выдавали ее рисом по твердой государственной цене. На семейном совете решили послать на строительство третьего брата – Ночжу. Целый месяц от него не было вестей. Работы начались далеко, у Шигатзе. Потом проезжавший мимо посыльный передал: «Ночжу просит кого-нибудь из мальчиков прийти к нему с мулом». В семье перепугались: не заболел ли уж? Но через два дня сын вернулся, ведя мула, навьюченного мешками с рисом. Чжума никак не хотела поверить, что такое богатство можно заработать всего за месяц. Рис она решила не трогать. Отсыпав немного для праздников, отнесла остальное в Шигатзе и выгодно обменяла на цзамбу. Получила по две меры за одну.

Пришла весна. Сначала думали сеять немного. Семена надо где-то занимать, а ведь еще нужны деньги на постройку дома. Разве выпутаешься потом из долгов? Но на сходе в волости сказали: запахивайте сколько всегда – государство даст семена. Действительно, семья вскоре получила зерно для посева и ссуду на покупку инвентаря. Лето выдалось урожайное. Земля щедро вознаградила людей за труд.

Обо всем этом я узнал от Сонама Дорджи, сидя у него дома. Дом новый, глинобитные стены еще не успели просохнуть, свежие распилы жердей горят янтарной желтизной. На крышах соседних домов шла молотба. Солнце вспыхивало на ритмично поднимавшихся вверх цепях. Женщины отгоняли птиц от рассыпанного на кошмах зерна. По улице тянулся караван мулов, навьюченных мешками. Уже на следующий год после наводнения жители пострадавших районов собрали урожай не меньше обычного. Это была победа над голодом, над злой судьбой.

Гьянтзе – ворота в Гималаях

Я еду на юг, к городу Гьянтзе, по новой автомобильной дороге, проложенной по долине Нячу руками ее жителей. Шоссе широкое, прямое, как стрела. Не то что горные серпантины, к которым я привык в Тибете!

Что напоминает сейчас здесь о прошлогоднем бедствии? Разве только число вновь отстроенных крестьянских домов. Да еще увидишь кое-где возле усадеб яков, которых ребята гоняют по кругу, заставляя месить копытами глину для стен. До зимы тут вырастут еще сотни жилищ.

Горная цепь, тянущаяся за рекой, вдруг открывает взору город Гьянтзе. Он во многом похож на Шигатзе: крепость на горе, чуть в стороне – монастырь, а между ними – белая россыпь домиков. Улица с лавками в полутемных нижних этажах домов, несколько круто убегających в гору переулков – вот, собственно, и весь Гьянтзе. За час его можно обойти вдоль и поперек.

На скалистом холме высится крепость, построенная в XIV веке. Тогда же вокруг города была возведена хорошо сохранившаяся трехкилометровая стена. Гьянтзе издавна считался третьим городом Тибета. Отсюда за Гималаи, в Индию и Непал, вывозилась тибетская шерсть, всегда служившая главной статьей экспорта высокогорного края. Тогда же, в XIV веке, был основан монастырь Палкхор, которому предписывалось иметь 3333 монаха. Монастырские постройки поднимаются по склону холма амфитеатром, окружая главную достопримечательность Гьянтзе. Это самый большой в Тибете чортен, или буддийская ступа, построенная в непальском стиле. По форме чортен чаще всего напоминает бутылку. Но в данном случае он больше похож на «капитанский графин», у которого для устойчивости очень широкое дно. При этом все символические элементы чортена налицо. Основание в виде четырехъярусного многогранника олицетворяет землю. Цилиндрическая башня – небо. Ее золотой купол – огонь. Полумесяц на нем – воздух. А венчающий башню шпиль – космос.

Будучи южными воротами «крыши мира», Гьянтзе первым изведal нажим британских колонизаторов. Захватив Индию и начав «опиумные войны» против Китая, они устремили взоры на Тибет. Главной целью Англии было противодействовать растущему влиянию России в этом стратегически важном районе Азии. Британские власти в Индии сделали все, чтобы помешать Пржевальскому добраться до Лхасы. Но до Лондона дошли слухи, что бурятский лама Дорджиев, ставший ближайшим советником далай-ламы тринадцатого, вел от его имени конфиденциальные переговоры с Петербургом. Причем Пекин не препятствовал этим контактам. Британское правительство тут же потребовало свободы торговли между Индией и Тибетом. Лхаса отказалась принять дипломатическую миссию для переговоров по данному вопросу. Тогда англичане прибегли к военной интервенции. В декабре 1903 года отряд полковника Янгхазбэнда в составе тысячи солдат и батареи горных гаубиц вторгся в Тибет. Крепость Гьянтзе стала первым рубежом сопротивления на его пути.

С трудом переводя дух, я взобрался на один из ее бастионов. Вся южная стена крепости покрыта следами от снарядов.

– Оттуда били английские орудия, – говорит, указывая на рожицу к югу от города, мой спутник Банцзу. Этот седой, но крепкий на вид тибетец отлично помнит, что произошло тут в начале века.

После первых боев отряды тибетских воинов отошли к Гьянтзе. Крепость, располагавшая всего тремя старинными пушками, больше месяца выдерживала осаду. По ночам, спускаясь на веревочных лестницах из шерсти яков, тибетцы совершали дерзкие вылазки, наводя ужас на противника. Женщины, пренебрегая опасностью, в темноте спускались за водой. Подвиг защитников Гьянтзе стал легендой в Тибете. Завладев крепостью после упорных боев, англичане двинулись дальше. Но сопротивление нарастало, и к Лхасе они вышли лишь в августе 1904 года. Далай-ламе пришлось бежать в Монголию (именно там с ним встречался российский исследователь Азии Петр Козлов).

Развернув артиллерию перед дворцом Потала, полковник Янгхазбэнд предъявил ультиматум: если на следующее утро соглашение о свободном доступе в Тибет не будет подписано, святыня ламаизма подвергнется обстрелу. Но в следующую ночь с командующим британской военной экспедицией произошло нечто загадочное. Полковник Янгхазбэнд увидел вещий сон, после чего пережил глубокое душевное потрясение. Ни с кем не посоветовавшись, он приказал отряду возвращаться в Индию. После чего тут же подал в отставку и всю оставшуюся жизнь целиком посвятил благотворительной деятельности. Что же произошло с кадровым офицером колониальной службы за его последнюю ночь в Лхасе? Видимо, это одна из многих неразгаданных тайн Тибета.

Во всяком случае, британской колонией этот горный край так и не стал. В 1907 году в Петербурге было подписано российско-британское соглашение. В нем стороны обязались уважать территориальную неприкосновенность Тибета, не вмешиваться в его внутреннее самоуправление, вступать в контакт лишь через Пекин.

Из времен Марко Поло в XXI век

Сорок лет спустя

Мое первое путешествие в Тибет пришлось как раз на середину восьмилетнего периода между мирным освобождением края в 1951 году и антиправительственным мятежом 1959 года. И я мог воочию убедиться, что в то время обе стороны строго придерживались соглашения. Народно-освободительная армия дошла до государственной границы и разместила свои гарнизоны в согласованных местах. Любые центральные учреждения вели свою деятельность только с ведома и одобрения местных тибетских властей. Если, скажем, в скотоводческие районы направлялась бригада ветеринаров, они прежде всего предлагали свои услуги владельцам пастбищ и, лишь заручившись их благожелательным отношением, начинали лечить скот крепостных. Так же действовали медицинские пункты, кинопередвижки.

Политика «добрыми делами обретать друзей» начала приносить плоды. Видимо, это и побудило реакционные круги Тибета решиться на мятеж. Причем я убежден, что далай-лама был отнюдь не инициатором, а жертвой этих трагических событий. Вооруженные антиправительственные выступления в Лхасе и других городах были подавлены. Далай-ламе и тысячам его сторонников пришлось бежать в Индию. Дхармсала в южных предгорьях Гималаев стала их прибежищем на четыре десятилетия эмиграции.

Мятеж круто изменил жизнь и тех, кто бежал, и тех, кто остался в Тибете. Период гибкости, дальновидности, разумных компромиссов оказался, увы, перечеркнут. Соглашение 1951 года было односторонне нарушено. А это вызвало со стороны Пекина ответную волну форсированных реформ, жестких принудительных мер, отнюдь не всегда оправданных, особенно в отношении духовенства. Перегибы усугублялись тем, что совпали с «большим скачком». А затем Тибет в полной мере изведal и «великую пролетарскую культурную революцию». Доводы о том, что от нее пострадал весь Китай, служат для тибетцев слабым утешением. С другой стороны, события 1959 года показали, что феодально-теократический строй держался не только на религиозном фанатизме, но и на страхе, на поистине средневековых методах принуждения. В 1955 году я был потрясен, увидев, как трех беглых крепостных сковывали за шею одним ярмом, вырубленным из деревянного ствола.

При втором посещении Тибета запомнилась беседа с учителем Ташидавой. Бывший чела – малолетний лама – рассказал мне о зловещем обычае, вроде бы никак не совместимом с буддийской заповедью бережно относиться к любому живому существу. При возведении культовых зданий под каждым из его краеугольных камней заживо хоронили ламу-подростка с выявленными телепатическими способностями.

В монастыре, куда родители отдали Ташидаву, в 1957 году рухнули перекрытия. Работая на разборке развалин, двенадцатилетний чела случайно узнал, что отобран для религиозного подвига. Ему предстояло погрузиться в состояние самадхи, то есть остановить сердцебиение и дыхание, и лечь в нишу, которую накрывают каменной плитой. Ташидава в ужасе бежал из монастыря, воспользовавшись метелью, и лишь благодаря этому остался жив. Не так давно при реставрации здания под фундаментом были обнаружены детские скелеты. Говорят, что человеческие останки под краеугольными камнями монастырей служат как бы радиомаяками для телепатических контактов между разбросанными среди гор обителями. А в том, что такой беспроволочный телеграф в Тибете существует, сомневаться не приходится. Из-за перевала, мол, был знак – монастырю Ганден срочно нужен костоправ, кто-то упал с обрыва.

Я привел этот пример потому, что он заставляет вспомнить известную метафору Достоевского. Заповедник средневековья был далек от идиллии, от современного представления о правах человека и неприкосновенности личности.

Реформы, осуществленные после мятежа 1959 года, были хоть и жесткими, но прогрессивными. Земледельцев и скотоводов освободили от крепостной зависимости, от податей и повинностей. Им безвозмездно передали пашни и скот, изъятые за выкуп у прежних владельцев. Однако происходившее одновременно массовое разрушение монастырей и храмов можно сравнить лишь с репрессиями против ламаизма в Монголии в 20-х годах. К началу «культурной революции» из двух тысяч тибетских монастырей осталось три сотни. А после нее уцелело лишь около десятка.

Известно, что в стремлении «сокрушить феодально-религиозную культуру прошлого» особенно неистовствовали тибетские хунвэйбины, вернувшиеся после обучения в пекинских вузах. Именно они сровняли с землей Ганден.

Но известно и другое. Монастырь Сера, храм Джокан, дворец Потала уцелели потому, что по указанию премьера Чжоу Эньлая Народно-освободительной армии было приказано не подпускать хунвэйбинов к этим историческим памятникам. У феодалов и монастырей, которые участвовали в мятеже 1959 года (как, например, Дрепан), пашни и пастбища были конфискованы. У тех, кто не участвовал в вооруженных выступлениях (например, Ташилумпо), средства производства были выкуплены.

После двух бурных десятилетий жизнь Тибета лишь в 80-х годах вернулась в нормальное русло. Дабы возместить нанесенный ущерб, было решено сосредоточить усилия на трех направлениях: экономическое развитие, воспитание местных кадров, возрождение национальной культуры. Даже при всех допущенных перегибах ликвидация феодальных отношений вызвала заметный рост производительных сил. Крестьяне впервые стали хозяевами своих полей и пастбищ. Земледелие и скотоводство к тому же полностью освобождены от налогов. В результате Тибет ежегодно собирает более 650 тысяч тонн зерна – по 300 килограммов на душу населения. поголовье скота приблизилось к 25 миллионам (в пятидесятых годах аналогичные показатели были втрое ниже). Автономный район полностью обеспечивает потребности коренного населения в ячмене и масле, а шерсть и кожи даже экспортирует.

Средняя продолжительность жизни тибетцев увеличилась с 35 до 65 лет. Если во время моего первого приезда население Тибета составляло 1,1 миллиона человек, то теперь оно возросло почти до 3-х миллионов. Так что утверждение, будто этот край «вымирает» или «китаизируется», беспочвенны. Китайцев в автономном районе около 80 тысяч (менее 4 процентов). Почти половина из них сосредоточена в Лхасе. Это строители, врачи, учителя, обычно работающие по контрактам.

Дом Церина и Чодрон

Как же живет нынче тибетским труженикам? Мы обычно представляем себе Тибет как край преимущественно скотоводческий. По территории это действительно так. Если же говорить о населении, то три четверти сельских жителей занимаются тут земледелием.

В долине реки Кичу, к западу от Лхасы, живет крестьянская семья, на чьей усадьбе мне довелось побывать. Церин и Чодрон женаты 25 лет. Оба они из здешних мест. Их отцы и деды были крепостными монастыря Дрепан. Они платили оброк за участок земли, который им было разрешено обрабатывать. Кроме того, приходилось трудиться на барщине: сеять и жать монастырский ячмень, ухаживать за скотом. Но особенно донимала их ула – произвольные и непредсказуемые формы трудовой повинности. Потребовалось, к примеру, настоятелю поехать из Лхасы в Шигатзе – крепостные обязаны были предоставить нужное число верховых лошадей и вьючных яков, продовольствие и фураж.

Для Церина и Чодрон все это лишь воспоминания детства. Они унаследовали от родителей почти гектар пашни, которую те получили во время реформ 1959 года. Нет теперь ни оброка, ни барщины, нет ненавистной ула. К тому же государство на десять лет освободило тибетских крестьян от налогов. Хотя на усадьбе шесть едоков и всего два работника (старшая дочь учителствует, остальные трое детей учатся в школе), семья не нуждается. В хозяйстве четыре яка и три коровы. Половину земли засевают ячменем, на остальной растят овощи. Из собранного зерна для пропитания нужна примерно треть. Почти столько же идет на ячменное пиво и самогон, именуемый ара (не только по названию, но и по вкусу похожий на монгольский арак). Остальной ячмень, как и в других семьях, приходится обменивать на ячье масло и чай.

Для тибетцев, которые не могут обходиться без часуймы, именно масло служит главной мерой благосостояния. Три килограмма в месяц на семью (как у Церина и Чодрон) считается уровнем зажиточной жизни. Люди побогаче расходуют по 5–8 килограммов и, лишь бедняки потребляют его меньше чем по 2 килограмма в месяц. Считается, что при шести едоках нужно иметь столько же коров, чтобы семье хватало и масла, и сухого творога, и кислого молока. А у Церина и Чодрон коров не шесть, а три. Пахать, сеять, заниматься орошением и строительством – дело Церина. Основное же бремя повседневных забот лежит на Чодрон. Дважды в день она доит коров. Дважды в неделю сбивает масло и делает чуру. Она же пропалывает овощи, ходит в горы за хворостом, сушит аргал – лепешки из ячьего навоза с резаной соломой.

Поскольку до Лхасы сравнительно недалеко, все селение возит туда овощи на продажу. Благодаря этому удалось скопить деньги на новый дом. Дороже всего обошелся лес для перекрытий. Бревна привозят из Восточного Тибета. Камень для цоколя и необожженный кирпич для стен заготавливали сами. А строить по обычаю помогали соседи. Дом получился отменный. На побеленном фасаде черной краской обведены наличники. Они расширяются книзу, создавая иллюзию слегка скошенных стен, что свойственно тибетской национальной архитектуре. Большую комнату украшают расписанные балки перекрытий и такие же столбы. Вдоль стен тянутся лежанки, накрытые ковриками. По углам расставлены сундуки для одежды. В семейном алтаре – портрет далай-ламы. Перед ним горит лампада.

Хозяева посетовали на долги, в которые пришлось залезть в связи с постройкой дома. Но новоселье радует их. И в благодарность Церин и Чодрон уже третий год делают щедрое приношение монастырю. Поинтересовался какому же? Оказалось, все тому же Дрепану, крепостными которого были их отцы и деды. Ведь там каждого здешнего жителя знают и не забудут как следует за него помолиться.

Ламы на самофинансировании

Итак, население Тибета утроилось, тогда как число лам сократилось со 150 до 35 тысяч. Для края, традиционная культура которого неразрывно связана с религией, такая перемена не могла быть безболезненной. Но ламаизм доказал свою жизнестойкость. Уже возрождено около тысячи монастырей. На что же существуют они теперь, лишившись крепостных и поместий? Лама Джампел, которому я задал этот вопрос, провел в монастыре Сера шестьдесят лет. Родители когда-то привели его сюда пятилетним. Теперь в таком возрасте монахом стать нельзя. Сначала нужно обучиться грамоте в шестилетней начальной школе.

Среди поредевшего населения монастыря Сера наряду с великовозрастными ламами можно видеть и 12-летних новичков. Рассевшись группами во дворе, они увлеченно ведут богословские споры, когда брошенный кем-то тезис нужно мгновенно поддержать или опровергнуть.

– Вот вам первый ответ на вопрос о доходах, – говорит Джампел, указывая на иностранцев с видеокамерами, снимающих эту колоритную сцену. – Прежде мы неохотно пускали сюда посторонних. Нынче же туристические фирмы постоянно имеют с нами дело – к обоюдной выгоде. Есть и более доходные виды предпринимательской деятельности. Мы восстановили древний способ изготовления бумаги для священных книг и печатаем Кангиур.

Джампел ведет меня в малый молельный зал, стены которого сплошь состоят из стеллажей. В каждой ячейке хранится деревянная доска с текстом одной из страниц канона. Монахи работают попарно. Один берет из заготовленного штабеля резную доску, смазывает краской. Другой проворно накладывает сверху полоску бумаги, прикатывает валиком.

Храм Джокан специализируется на другом. Его настоятель Тупден показал мне помещение, где ламы покрывают золотой краской статуи Будды. Их формируют на соседнем дворе нанятые гончары. Говоря по-нашему, тибетские монастыри и храмы перешли на самофинансирование. Они изготавливают предметы культа, выращивают фрукты и овощи, принимают туристов. Кроме этого, монахи по-прежнему получают подаяния, прежде всего от родственников. Состоятельные люди завещают монастырям часть нажитого имущества.

Неподалеку от монастыря Дрепан находится храм Нечун. Когда-то в нем обитал главный оракул Тибета. Высшие сановники приезжали послушать его предсказания, прежде чем решать какой-то важный вопрос. Теперь там разместились буддийская семинария. Ее возглавляет Боми Цанба. В 1958 году он вместе с далай-ламой удостоился почетного титула Гэси (знаток богословия). В семинарии проходят десятилетний курс свыше ста наиболее способных молодых лам, рекомендованных монастырями. В программу обучения, кроме религиозных дисциплин, включены и общеобразовательные.

– Бесспорно, в 60–70-х годах ламаизму у нас был нанесен тяжелый удар, – говорит Боми Цанба. – Когда ламой был каждый седьмой тибетец, их, возможно, было слишком много. Но теперь, когда один лама приходится на семьдесят мирян, это, на наш взгляд, слишком мало. Да и семинария при ее нынешней численности не способна быстро возместить нанесенный ущерб. Впрочем, буддизм в Тибете и прежде подвергался гонениям, однако возрождался вновь.

Боми Цанба напомнил о том, как в 838 году узурпатор Ландарма убил своего брата – царя династии Тубо, по указу которого каждые семь семей были обязаны содержать одного монаха. Будучи приверженцем языческой религии бон, Ландарма приказал сбросить в реки буддийские статуи, соскоблить со стен храмов фрески, превратить молельни в коровники, а монахов заставить быть скотобоями (лишать кого-либо жизни считается у буддистов великим грехом).

Когда казалось, что буддизм уже искоренен, один уцелевший лама вымазал сажей белого коня, надел черный плащ на белой подкладке, подстерег Ландарму возле дворца и убил его меткой стрелой. После этого всадник прыгнул в ров с водой, вывернул наизнанку плащ и уже на белом коне в белом одеянии поехал навстречу погоне. Узурпатор был свергнут, а буддизм снова стал государственной религией.

– Вслед за ночью наступает день, – философски заключил беседу Боми Цанба, обратив мое внимание на роспись, украшающую храм главного оракула Тибета. Ее тема – змея, глотающая собственный хвост, символизирует круговорот бытия, взаимосвязь и взаимозависимость прошлого, настоящего и будущего.

Самый молодой ректор

Во время моего посещения Тибета в 1955 году там было 150 тысяч лам. Когда я вновь приехал туда сорок лет спустя, эта цифра тоже фигурировала в статистике. Но касалась она

числа школьников и студентов. В крае, где практически отсутствовало светское образование, действует 2400 начальных и 80 средних школ. В них учатся на родном языке две трети детей школьного возраста. До полного охвата пока еще далеко. И главная тому помеха – нехватка преподавателей. Их подготовка стала задачей четырех существующих в автономном районе высших учебных заведений, и прежде всего – Тибетского университета.

В 1955 году я побывал в созданной незадолго до этого в Лхасе Школе национальных кадров. Впоследствии ее преобразовали в педагогическое училище, на основе которого в 1985 году был создан Тибетский университет. Почти полторы тысячи его студентов обучаются на физико-математическом, электромеханическом, хозяйственно-экономическом, общественно-политическом и других факультетах. Самый большой из них – факультет тибетского языка и литературы. Ныне все преподаватели университета должны владеть и тибетским, и китайским языками, чтобы читать лекции и вести семинары на любом из них. Каждый год около трехсот выпускников университета пополняют ряды местных учителей.

Возглавляет университет 45-летний Цеван Цзигме. Самый молодой в Китае ректор происходит из знатного тибетского рода. В 50-х годах его отец возглавлял канцелярию далай-ламы в Пекине. Цеван окончил там четыре класса начальной школы и вернулся домой как раз во время моего первого приезда в Лхасу. Знание китайского языка, обретенное в детстве, побудило юношу поступить в Пекинский педагогический институт. Окончила его и будущая жена Цевана. Теперь она преподает на филологическом факультете.

– Мы, – говорит ректор, – стремимся воспитать людей, способных сохранить традиционную национальную культуру Тибета в широком смысле слова, что включает литературу и искусство, философию и этику. Особенность тибетской культуры состоит в том, что единственной формой ее проявления веками была религия. Очагами учености служили монастыри. Интеллигенцию составляли ламы. Как и в средневековой Европе, религия монополизировала все средства художественного самовыражения. Но культура при этом была не общим достоянием, а уделом меньшинства. Именно это мы хотим изменить. Но непременно сохранить все ценное, что было создано ламаизмом и составляет нашу самобытность.

В университете есть факультет тибетского искусства. Там читают лекции и ведут семинары известные богословы из монастырей Дрепан, Сера, Ганден. Духовенство оказывает помощь при изучении тибетской архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Перед факультетом открылась возможность закрепить эти знания на практике. Государственный Совет КНР выделил средства на реставрацию дворца Потала. Работы велись под наблюдением специалистов и при активном участии студентов университета.

– Мы стремимся к тому, – говорит Цеван Цзигме, – чтобы наши выпускники овладели всеми богатствами тибетской культуры, но не замыкались в ней, а развивали традиции своего народа как часть многонациональной культуры Китая, общечеловеческой цивилизации.

Вернется ли далай-лама?

После мятежа 1959 года были наказаны лишь его главные зачинщики. Отбыв срок, они получили назад свои дома и другое конфискованное имущество, кроме земель и скота. Вернулись на родину и многие из тех, кто ее покинул. Республика готова принять и остальных, не вспоминая об их прошлом.

Какова же позиция Пекина в отношении далай-ламы?

– Мы по-прежнему относимся к нему с уважением, – сказали мне в правительственном комитете по делам национальностей. – Готовы предоставить ему высокий государственный пост, например заместителя председателя Всекитайского собрания народных представителей. Приветствовали бы его возвращение на родину. Но при единственном условии: далай-лама должен отказаться от сепаратистских призывов к «независимому Тибету».

Китай настороженно относится к тому, что, признавая компетенцию Пекина в вопросах внешней политики и обороны, далай-лама выступает за самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной власти в автономном районе. Тибет, по его словам, должен стать «самоуправляемой демократической политической единицей, находящейся в ассоциации с Китайской Народной Республикой».

Пекин усматривает в слове «ассоциация» притязания на нечто большее, нежели районная Национальная автономия в рамках КНР. Для сомнений есть основания. И тем не менее возможность компромисса, по-моему, существует. Основой его могло бы послужить Соглашение 1951 года о мирном освобождении Тибета. Ведь, соглашаясь сохранять в ведении Пекина внешнюю политику и оборону, далай-лама тем самым рассматривает Тибет как составную часть Китая. Стало быть, нужно договориться лишь о конкретном содержании термина «самоуправление». Тибетский народ не захочет возврата к феодальным порядкам. Но велика ли беда, если конкретные формы местной власти в Тибете будут иными, чем в других частях страны? Ведь для Гонконга и Тайваня оказалась приемлемой даже формула «одно государство – две системы».

Самоопределение – это право сделать выбор, который совсем не обязательно ведет к отделению. Достаточно вспомнить о Шотландии или Баварии, имевших многовековые традиции государственности. Что же касается Тибета, то при обоюдной готовности пойти навстречу друг другу путь к примирению можно найти. Возможности для возвращения далай-ламы, на мой взгляд, не исчерпаны. Ими стоило бы воспользоваться. Ибо его авторитет среди верующих по-прежнему велик и мог бы послужить на благо тибетского народа, на благо национального единства Китая.

Союз знания и праведности

Вновь и вновь думаю о правоте слов далай-ламы, сказавшего мне когда-то: ««Купальная неделя» – лучшая пора, чтобы посетить Тибет не только в первый, но и во второй раз». Волею судьбы вновь довелось застать этот старинный народный праздник.

После седьмого новолуния по местному календарю на небе появляется Венера, возвещающая о начале осени. В эти дни люди целыми семьями приходят к горячим источникам или собираются на берегах рек и озер. Ритуал омовения на «купальной неделе» бывает торжественным и радостным. Поскольку поблизости от Лхасы нет горячих источников, горожане спускаются к реке Кичу. Сначала каждый усаживается на корточки и моет голову, затем растирает тело и наконец окунается в воду. Погода вроде бы не самая подходящая: градусов 10–15. Но купаться весной, когда в горах тают снега, еще холоднее. Летом, в сезон дождей, вода становится мутной. Так что начало осени действительно лучшее время для «купальной недели». Женщины приносят к реке стирку, мужчины – выпивку. И все завершается веселым пикником.

Осеннее купание в чем-то смыкается с древним тибетским обычаем окунать младенца в ледяную воду, дабы проверить, крепким ли он родился. Процессия родственников и соседей шествует к горному потоку. Бабушка раздевает новорожденного и погружает его в водопад. От нестерпимого холода тело ребенка сначала краснеет, а потом синее. Он истошно кричит, а затем умолкает и кажется неживым. Но тибетки точно знают, когда прервать испытание. Младенца вынимают из воды, укутывают в овчину. Считается, что, если он выживет, будет здоровым. А если умрет – избавит себя и родню от страданий.

«Купальная неделя» считается самой благоприятной порой для сбора целебных растений, для приготовления тибетских лекарств, вообще для исцеления от болезней. Об этом я узнал еще в 1955 году, когда посетил Мэнцзикан – Школу астрологии и медицины. О мастерстве тибетских врачей мне тогда целый день рассказывал Кенраб Норбу. По повеле-

нию далай-ламы тринадцатого он в 1916 году основал Мэнцзикан и, бессменно возглавляя его, был личным лекарем далай-ламы – как предыдущего, так и нынешнего.

Эта беседа особенно запала в память, ибо именно Кенраб Норбу предсказал, что у меня родится не сын, а дочь. Телеграмма, пришедшая в Лхасу из Москвы две недели спустя, известила меня, что это действительно произошло. Надеялся показать главе Мэнцзикана его фотографию в моей книге «Путешествие в Тибет». Но тогдашний собеседник на сей раз предстал передо мной в виде золотой статуи, под которой значились даты: 1883–1962. Оказалось, что Кенраб Норбу скончался и был канонизирован. Основатель Мэнцзикана воспитал более тысячи последователей. Причислив своего учителя к лику святых, они продолжают его дело.

После 1959 года Школа медицины и астрологии была преобразована в Госпиталь тибетской медицины, состоящий из больницы, поликлиники, фабрики лекарств и двух исследовательских бюро – по медицине и по астрологии. Главной задачей четырехсот сотрудников госпиталя стало не учить врачеванию, а лечить больных. Престиж Мэнцзикана среди тибетцев очень велик. Но обращаться туда за помощью могли лишь избранные. Как только лечение стало доступным, народ повалил валом. Лишь поликлиника приняла за год 202 тысячи человек. Что же касается подготовки тибетских врачей, то для этого теперь специально создан факультет в университете. Там обучаются триста студентов. А преподают им лучшие специалисты Мэнцзикана, ученики Кенраба Норбу.

Двое из них беседовали со мной в том самом зале, где я когда-то встречался с основателем Школы медицины и астрологии. Стены его по-прежнему увешаны старинными картинами на шелке. Они изображали строение человеческого тела, его внутренних органов, обозначали места для кровопускания, иглоукалывания, прижигания. Другие давали наглядное представление о шести тысячах натуральных лекарственных средств, применяемых в тибетской медицине. Третьи походили то ли на шахматную доску, то ли на кроссворд. Это были астрологические таблицы.

– В условиях монастырской жизни на изучение тибетской медицины уходило 12–15 лет. Все мы извели это на собственном опыте, – говорит Гарма Чопан. – Правда, половина времени посвящалась тогда богослужениям. Теперь этот срок можно сократить. Но отнюдь не до 4–5 лет, как на других факультетах. Объем знаний у нас велик, методика их усвоения нетрадиционна. К тому же мы убеждаемся, что молитвы не всегда были потерянными часами. Навыки медитации, постановка дыхания, воздержание от пищи – все эти религиозные ритуалы воспитывают у тибетского врача многие нужные ему качества.

– В ламаистских храмах, – добавляет второй собеседник, Иче Гялцен, – часто встречаются изображения мужчины и женщины, тесно прильнувших друг к другу. Они символизируют не чувственную любовь, а союз знания и праведности. Без этого, по нашим представлениям, человек не может достичь совершенства, а лама-врачеватель – тем более.

Первые годы обучения, как и прежде, посвящаются медицинскому канону «Тюши» (или «Чжуджи»). Текст Четверокнижия требуется выучить наизусть. С этого у студентов начинается день. С 6 до 9 утра нужно заучить очередные 10–12 длинных тибетских строк, то есть примерно половину страницы. Затем до обеда идут занятия с учителем. Вторая половина дня посвящается изучению лекарственных средств, а вечер – повторению.

В Мэнцзикане применяют своеобразные методы развития памяти, родившиеся в ламаистских монастырях. Деревянные доски, с которых в Тибете печатают священные книги, включая и медицинский канон, хранятся в четко размеченных стеллажах. Заучив страницу, студент несколько раз повторяет ее перед соответствующей ячейкой, чтобы текст зрительно ассоциировался с определенным местом в хранилище. По таким же стеллажам разложены и лекарства, описание которых нужно запомнить. Если учитель, к примеру, попросит прочесть начало 87-й страницы книги «Основы» или конец 13-й страницы книги «Секреты»,

студент должен мысленно представить нужную ячейку и «достать» оттуда требуемый текст. По словам моих собеседников, такие древние приемы значительно увеличивают способности к запоминанию.

Годы заучивания Четверокнижия и фармакологических таблиц – самая трудная пора для будущих тибетских лекарей. Приятной сменой обстановки служат осенние выезды на высокогорье для заготовки лекарственного сырья. В 10–15 караванных переходах от Лхасы студенты учатся собирать цветы, семена, кору, корни растений, заготавливать самые неожиданные элементы животного мира, считающиеся целебными. На фабрике лекарств мне показали рецепт на восьми страницах, по которому в определенной пропорции было отвешено 153 составные части. Среди них были рога горного козла, вяленые рыбы головы, сухой творог из молока, настоянного на травах. В тибетской медицине высоко ценится желчь ядовитых змей, мошонка мускусного оленя, кости барса и даже желудок грифа, хотя этим птицам в Тибете скормливают тела покойников.

Мэнцзикан, кстати, издавна посылал своих студентов помогать «членителям трупов», чтобы на практике освоить анатомию. Немало времени тратят будущие тибетские врачи и на изучение астрологии.

– Наша философия исходит из того, что окружающий мир воздействует на человека. А он, в свою очередь, воздействует на окружающий мир. Мы считаем, что макрокосм и микрокосм тождественны по своей сути, – говорили мои собеседники.

Легче лечить больного, зная его предрасположенности, сложившиеся под воздействием небесных тел в момент его рождения. Однако астрологические прогнозы не означают фатальной неизбежности. Данные гороскопа больше похожи на дорожные знаки, которые или побуждают воспользоваться благоприятными возможностями, или предостерегают об опасностях. Исследовательское бюро по астрологии, созданное в Мэнцзикане после его реорганизации, восстанавливает утраченные тексты и таблицы, а также ежегодно составляет сельскохозяйственный календарь, пользующийся большим спросом у земледельцев и скотоводов.

Основатель тибетской медицины Юток Ентан Гонпо (708–833) много путешествовал по Китаю, Индии, Непалу, приглашал оттуда известных лекарей в Тибет. В Четверокнижии, автором которого он считается, заметны следы как китайского, так и индийского влияния.

Шестидесятилетний цикл тибетского календаря аналогичен китайскому. Он построен на сочетаниях пяти первоэлементов (вода, огонь, земля, металл, дерево) и двенадцати зодиакальных животных (мышь, вол, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, баран, обезьяна, курица, собака, свинья). Тибетские врачи, подобно китайским, трактуют болезнь как нарушение равновесия и биоритмов в организме человека. А вот представление о трех началах жизнедеятельности имеет, судя по всему, индийские корни. Первое из этих начал – «лон» (его уподобляют воздуху или ветру). Оно контролирует движение: кровообращение, дыхание, циркуляцию жизненной силы, которую китайцы именуют «ци», а индийцы «прана». Второе начало – «чиба» (его уподобляют огню или желчи) – контролирует обмены: пищеварение, терморегуляцию. Третье начало – «пайген» (его уподобляют воде или слизи) – контролирует структуры, то есть рост человека, его наследственные черты, комплекцию.

Соотношение этих трех начал неодинаково от рождения и может служить основой классификации человеческих типов. «Лон» доминирует у людей легкомысленных, которые схватывают все на лету, но так же легко забывают. «Чиба» главенствует у вспыльчивых и нетерпимых, «пайген» – у спокойных и равнодушных. Выходит, у тех, кого мы привыкли называть натурами ветреными, преобладает ветер; у натур желчных – желчь, у флегматичных – флегма (слизь). Совпадение примечательное! Осматривая больного, тибетский лекарь прежде всего стремится определить суть его натуры, то есть врожденное соотношение трех начал. А затем ищет, чем этот привычный баланс нарушен и как его восстановить.

И вот медицинский канон наконец выучен. Наступает пора экзамена. Он до сих пор проводится по традиционному ритуалу. Студент наизусть прочитывает Четверокнижие от первой до последней строки. Начинает на заре, а кончает далеко за полночь. Преподаватели сменяют один другого, уходят обедать и ужинать. А экзаменуемый имеет право прерваться лишь на секунду, чтобы сделать глоток воды.

Зато после экзамена наступает пора наиболее плодотворного общения с учителем: освоение навыков пульсовой диагностики. Тибетский врач слушает пульс больного шестью пальцами обеих рук, надавливая ими с неодинаковой силой на определенные точки запястья. Например, левый указательный палец дает ему информацию о легких, средний – о печени, безымянный – о почках. Частоту пульса лекарь меряет собственным дыханием. Пять-шесть ударов на вдох считается нормой.

«Третий глаз»

Учат в Мэнцзикане и тайным приемам тибетской разновидности кунфу, или дзюдо. Не столько для самообороны, сколько для медицинских целей: нажав на определенные точки тела, можно лишить больного сознания, чтобы вправить ему вывих или удалить зуб.

Тибетская медицина не осталась в стороне от попыток раскрыть сверхъестественные способности человека. Прежде всего это касается ясновидения, и в частности умения видеть биополе больного. Ламы-врачеватели утверждают, что по характеру и оттенку этого излучения можно судить не только о состоянии здоровья человека, но и о его душевных свойствах, добрых или злых намерениях, искренности или коварстве. В Тибете давно заметили, что дар ясновидения люди чаще всего обретают после мозговой травмы. И задались целью открывать «третий глаз» искусственно. Отобранному по особым признакам монаху делают операцию, нередко сопряженную со смертельным исходом. В середине лба высверливают отверстие, на несколько дней закрывают его деревянным клином с целебными мазями и дают зарости.

Выявлением сверхъестественных способностей человека особенно много занималась секта «красных шапок». Примечательно, что во всех религиях мира практические пути к этому во многом совпадают. Чтобы сдвинуть крышку над таинственной кладовой подсознания, человек должен пройти суровую психофизическую тренировку, своего рода школу самосовершенствования. Формы ее всюду одни и те же: молитва, пост, отшельничество. Этими приемами пользовались и русские старцы в Оптиной пустыни, и махатмы в Гималаях.

Есть своя логика в том, чтобы испытать нравственные устои человека, прежде чем раскрыть его потенциальные возможности, дабы он не употребил их во зло. Но «смирять себя молитвой и постом» – средство, а не самоцель. Как мне образно пояснили богословы в Лхасе, если считать буддизм наукой, то тибетская йога – это технология. Это инструмент, помогающий проложить дорогу к цели, однако отнюдь не сама цель.

Монастырь Шалу близ Шигатзе, принадлежащий секте «красных шапок», известен как место отшельничества. Как здесь считают, это кратчайший путь от хатха-йоги, то есть от умения владеть собственным телом, к кундалини-йоге, то есть к способности управлять психической энергией.

Монаха на три года, три месяца и три дня замуровывают в пещеру. Оставляют лишь отверстие, равное по ширине расстоянию между большим и средним пальцами руки. По этому лазу раз в сутки проталкивают воду и цзамбу. К концу срока лама должен проявить три сверхъестественные способности. Во-первых, «сжать плоть», то есть выбраться наружу через узкий ход, достаточный вроде бы лишь для кошки. Во-вторых, «умножить жар», то есть усесться на обледенелую ячью шкуру и высушить ее своим телом. Наконец, в-третьих, «убавить вес», то есть достичь состояния «дхадли сидхи», или первой ступени к левитации.

Сидя в позе лотоса, лама каким-то необъяснимым способом отрывается от земли. Хотя ноги его остаются скрещенными, он начинает подскакивать с возрастающей амплитудой, словно шарик для пинг-понга.

Способность делать свое тело почти невесомым необходима, чтобы совершить религиозный подвиг, именуемый «арджоха» (бег-полет). Нужно, едва касаясь ногами земли, пробежать от Шигатзе до Лхасы. Между этими двумя городами триста тридцать километров, то есть несколько марафонских дистанций. Подвижник отправляется в путь в полнолуние. Бежит в трансе, как лунатик, две ночи и день. Считается, что дорогу ему выбирает подсознание, используя «третий глаз». Всем встречным предписывается падать ниц и ни в коем случае не выводить бегущего из забытья, ибо это опасно для его жизни. В лхасском храме Джокан есть служитель, обязанный заверять совершение «арджохи» специальной печатью.

Ламаисты считают, что, подавляя в себе желания, погружаясь в медитацию, можно замедлять жизненные функции организма. Высшая ступень на этом пути – состояние «самадхи», при котором человек способен остановить сердцебиение и дыхание. Самый наглядный пример – способность находиться под водой четверть часа. Лам в состоянии «самадхи» на целую ночь закапывают в землю – дабы они побывали «по ту сторону смерти».

Тибетцы убеждены, что кроме ясновидения, телепатии, левитации можно обрести и умение становиться невидимым. Последнее особенно трудно, так как требует полной остановки умственной деятельности, ибо работающий мозг излучает телепатические волны. По представлениям тибетцев, все эти способности, ныне утраченные людьми, сохранил лишь йети – снежный человек. Потому-то он всегда так загадочно исчезает.

Словом, в Тибет не случайно стремились в поисках высшей мудрости такие наши соотечественники, как Николай Пржевальский, Елена Блаватская, Николай Рерих. В священных текстах Кангиура упоминается обитель мудрецов Шамбала. Говорят, что она находится где-то в Заднем Тибете, в округе Нгари. Там, за стеной ледяного тумана, будто бы скрыта подогретая водами недр земля с пышной растительностью. Существует ли Шамбала на самом деле? Или это религиозная метафора, философское понятие? Считается, что Шамбала – это место, где мир людей соприкасается с высшим разумом небес, точка стыковки земли и космоса, духовный центр планеты.

А может быть, Шамбала у каждого своя? Может быть, это вершина духа, раскрывающаяся перед человеком заветный горизонт – единое информационное поле. Приобщаясь к этой кладовой знаний всех времен и народов, человек испытывает то, что мы именуем творческим вдохновением. Произведения искусства, наверное, потому и волнуют сердца, что воплощают собой редкие моменты слияния их творцов с высшим разумом. Ламаисты считают, что Шамбала концентрирует и преобразует психическую энергию, энергию мысли. Эта почти неведомая нам гигантская сила дремлет в человеке в связанном состоянии. Высвободить ее – все равно что расщепить атомное ядро. Важно употребить энергию мысли не во зло, а во благо. Объединять помыслы людей и придавать им позитивную направленность, чтобы этот мощный поток очищал околоземное пространство от всяческой скверны, – таково главное предназначение всех религий.

Как бы то ни было, Шамбала становится общим достоянием человечества. Ведь стержневая мысль буддизма, пронизывающая красной нитью и другие вероучения, – мысль о том, что человек должен осознать себя частицей мироздания, искать гармонии с окружающей природой, – стала ныне девизом времени. Перестав быть заповедником прошлого, Тибет учит думать о будущем, понимать, что ключ к познанию человека может стать ключом к познанию мира.

Своими глазами. Путевые заметки о двух дюжинах стран пяти Континентов

*Дохри Любе,
которой в детстве пришлось быть
«лягушкой-путешественницей»*

Переpletенные корни

Изречение Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток» должно уйти в прошлое вместе с веком колониализма. Если уж оперировать привычными терминами, нынче более правомерна формула «Нет Запада без Востока, нет Востока без Запада». Достижения науки и техники помогают нам почувствовать многоликость и целостность мира, открывают новые, поистине безграничные возможности для обмена культурными ценностями.

Однако в представлениях многих людей все еще превалирует «инстинктивный европоцентризм», привычка сводить истоки общечеловеческой цивилизации лишь к античному греческому искусству, римскому праву, христианским заповедям. Все же остальное, дескать, восточная экзотика.

Размышления, а вернее сказать, измышления о несовместимости духовного наследия Запада и Востока были особенно модны у хозяев заморских владений, считавших, что за Суэцем можно-де не вспоминать о десяти заповедях. Дабы оправдать подобный цинизм, создавались стереотипы Запад – это гуманизм, Восток – деспотизм. Запад возвеличивает человека, Восток фанатически поклоняется богам. Запад активен, служит генератором прогресса. Восток же пассивен, привержен традициям прошлого.

А между тем Конфуций еще двадцать пять столетий назад говорил, что принцип «жэнь» (гуманность, человечность) должен лежать в основе общественных отношений. Не случайно идеи древнекитайских философов вдохновляли французских просветителей-энциклопедистов XVIII века.

Если европейцам 1572 год напоминает о Варфоломеевской ночи, когда католики учинили кровавую расправу над гугенотами, то мусульманский правитель Индии Акбар в том же самом году провозгласил религиозную терпимость основой государственной политики.

Нелепо утверждать, будто уделом Запада всегда было изобретать, а Востока перенимать. Процесс больше похож на улицу с двусторонним движением, где в различные часы доминируют разные потоки. Не случайно у европейцев прижились арабские цифры. Именно с Востока пришли к ним в Средние века многие достижения математики, астрономии, медицины. А кто как не китайцы дали миру бумагу, компас, порох?

Впрочем, движение было встречным. Во второй половине XIX века Япония, отказавшись от длительной самоизоляции, принялась активно заимствовать научно-технические достижения Запада. И как раз тогда же японские цветные гравюры эпохи Токугава вдохновили таких европейских художников, как Ван Гог и Гоген, бросить вызов канонам западной живописи.

Следы взаимопроникновения различных культур лучше всего хранят камни исторических памятников. Мне довелось побывать в трех десятках стран, повидать много чудес света, то есть выдающиеся сооружения различных эпох. И даже не являясь специалистом, а лишь опираясь на личные впечатления, я вновь и вновь убеждался, что древний мир был отнюдь не столь разобщенным, как это могло бы показаться современникам телевизоров и

реактивных самолетов. Народы общались и обогащали друг друга гораздо больше, чем мы порой можем представить.

Будучи многоликим, он целостен – наш взаимосвязанный и взаимозависимый мир. И он был таковым еще задолго до ядерно-космического века.

Путевые заметки, собранные в этой книге, представляют собой впечатления очевидца. Они помогают ощутить атмосферу каждой страны, особенности ее быта и традиций, рассказывают о ее исторических памятниках. А камни прошлого, как говорил Рерих, это ступени, которые ведут в будущее. Думая над композицией книги, я решил начать с самых дальних краев к востоку от Москвы, а кончить самыми дальними на запад от нее, то есть расположить заметки в виде воображаемого кругосветного путешествия от Новой Зеландии до Перу.

Новая Зеландия

Самая дальняя даль

Проснулся от странного, непривычного стука в окно. По стеклу били не капли, а струи дождя. Словно кто-то в упор поливал дом из брандспойта. После очередного землетрясения, как тут часто бывает, над Веллингтоном разбушевалось ненастье. По радио передали: «Скорость ветра в проливе Кука достигла 60 узлов. Не работают паромные переправы. Закрыт столичный аэропорт».

Итак, я в Новой Зеландии. В одной из самых далеких от нас точек на глобусе. Помню, как, живя в Лондоне, я показывал гостям из Москвы Гринвичский меридиан. Туристам там обычно поясняют, что если, мол, просверлить земной шар насквозь, то на противоположной стороне его, где люди как бы ходят вверх ногами, как раз и находится Новая Зеландия. Когда видишь эту страну на карте полушарий, может показаться, будто она расположена бок о бок с Австралией. Во всяком случае, немногим дальше, чем, скажем, Британские острова от Европейского материка. В действительности же перелететь из Сиднея в Веллингтон – все равно что попасть осенью из Крыма в Прибалтику.

В мартовские дни Сидней еще не ощущает прихода осени. Городские пляжи полны загорелыми людьми. Всюду торгуют арбузами. Через три часа полета Веллингтон встречает сплошной завесой дождя. Пронизывающий ветер рвет из рук, выворачивает наизнанку зонт. А температура уже не 28, а всего 10 градусов. Почему же такой резкий перепад? Прежде всего, Тасманово море – это не Ла-Манш, а две тысячи километров водного простора. К тому же новозеландская столица лежит на «гремящих сороковых широтах», известных своими штормами. Главное же – Веллингтон вырос как раз в том месте, где пролив Кука образует единственную узкую щель в горной цепи длиной около полутора тысяч километров, которая тянется через оба острова, составляющих Новую Зеландию. Поэтому свирепые южные ветры, что дуют из Антарктики, устремляются в этот узкий коридор, словно в открытую для сквозняка дверь.

Из туристического справочника явствует, что средняя температура осенних месяцев, то есть марта, апреля и мая, колеблется в Веллингтоне от 10 до 20 градусов. В городе бывает две тысячи солнечных часов в году. Путем несложного деления легко определить, что погода там, мягко говоря, не балует. Два месяца – лето, остальное – осень. Так определяют климат «продутого ветрами Веллингтона».

Но неожиданный контраст между двумя соседними странами, пожалуй, еще больше, чем в климате, проявляется в характере и образе жизни людей. Когда в Лондоне куранты Большого Бена бьют полдень, в Веллингтоне наступает полночь. Но эта самая далекая от Англии страна гораздо ближе к ней, чем другие бывшие британские владения «к востоку от Суэца». Во всяком случае, в Новой Зеландии чаще замечаешь английские черты, чем, скажем, в Австралии. На то есть свои причины. Австралия стала колонией как каторжное поселение. Во времена королевы Виктории далеко за моря принудительно отправляли возмутителей спокойствия. С Новой Зеландией дело обстояло иначе. Ее заселяли не ссыльные, а младшие отпрыски земельной аристократии, вынужденные искать счастье за морями. В Англии издавна существовало право первородства. Не только титул, но и семейное поместье доставалось лишь старшему сыну, а остальным нужно было самим заботиться о будущем: идти на государственную службу или поселяться в колониях.

В 1838 году Новозеландская компания задалась целью создать как бы вторую Англию на этих далеких островах. Завладев землями местных жителей, она стала определенными

участками продавать их представителям знатных английских семей. Каждый владелец такого надела сам вербовал себе рабочую силу из простонародья.

Важно подчеркнуть, что с начала колонизации Новой Зеландии направление ее развития определял просвещенный помещичий класс, делавший ставку на образцовые методы хозяйствования. Так на противоположном краю земли возник как бы слепок Англии. Если австралийцы по-американски прямолинейны и демонстративны, то новозеландцы сдержанны и корректны, как англичане, хотя проще и демократичнее их в человеческих отношениях, меньше привержены сословным различиям.

Овечье царство

Путешествуя по Новой Зеландии, то и дело вспоминаешь Англию, а вернее сказать – Шотландию с ее гористым рельефом. Мне довелось пересечь на автомашине половину страны, проехать из конца в конец Северный остров от Веллингтона до Окленда. Едешь больше семисот километров и почти на всем пути видишь зеленые, словно причесанные, холмы, изредка – колокольни сельских церквей, белые дощатые домики под черепичными крышами. Куда ни глянь – пасутся стада серых пушистых овец или черно-белых коров. Но тщетно искать привычную фигуру пастуха. Кажется, что здесь, как в сказочной стране, описанной Свифтом, обитают не люди, а животные. Впрочем, это близко к истине. Ибо при населении три с лишним миллиона человек в Новой Зеландии насчитывается 70 миллионов овец, а поголовье крупного рогатого скота приближается к 10 миллионам.

Человека не видно, но сделанное им налицо. Безупречная изумрудная зелень новозеландских лугов не дар породы, а результат кропотливого труда многих поколений колонистов. Люди раскорчевывали девственные леса, превращая склоны холмов в окультуренные пастбища. За ними поныне ухаживают как за газонами: периодически подсевают определенные травы, подкармливают их удобрениями с самолетов.

В отличие от других британских колоний, богатых минеральными ресурсами, Новая Зеландия служила для метрополии высокопродуктивной заморской фермой. В течение целого столетия сельскохозяйственная продукция обеспечивала 90 процентов доходов от новозеландского экспорта, да и нынче этот показатель достигает 60 процентов.

Хотя в сельском хозяйстве занято лишь 11 процентов рабочей силы, оно остается ведущей отраслью экономики и, в сущности, представляет собой высокоразвитую индустрию, использующую новейшие достижения науки и техники. Новая Зеландия стремится быть тихоокеанской Швейцарией в смысле безупречной репутации качества своих продуктов. В животноводстве используют лучшие породы скота (от каждой коровы в среднем надаивают 5000 литров молока в год), в мясомолочной промышленности – наиболее эффективное оборудование. На качестве продуктов положительно сказывается и тот факт, что овцы и коровы круглый год содержатся не в стойлах, а на пастбищах.

Новозеландские фермеры старательно выполняют специфические запросы импортеров. Например, овец, предназначенных для отправки на Ближний Восток, забивают с учетом мусульманских обычаев. Специально ради этого на бойне уменьшена сила электрического разряда, чтобы овца (по традиции обращенная головой в сторону Мекки) оставалась живой, пока из нее вытекает кровь. Переработка каждой туши на мясокомбинате представляет собой практически безотходное производство. Даже рога и копыта размалываются в муку и идут на корм скоту.

Новая Зеландия – крупнейший в мире экспортер баранины и молочных продуктов, третий в мире производитель и экспортер шерсти. Пастбищное животноводство остается ведущей отраслью сельского хозяйства, давая четыре пятых его валовой продукции. Две трети зерна, что выращивается в стране, идет на корм скоту. Поначалу доходы новозеландских

фермеров зависели главным образом от шерсти. И потому они разводили преимущественно овец мериносовой породы. Но, после того как были изобретены холодильники, открылась возможность экспортировать в Европу мороженую баранину и сливочное масло, что существенно изменило структуру животноводства.

Едешь среди ухоженных пастбищ, разделенных живыми изгородями, и думаешь, что это овцеводческое царство создавалось по образу и подобию Британии. Но вот с типично английскими приметами начинают соседствовать тоже хорошо знакомые, но уже совсем другие, японские черты. Конусообразные сопки. Глыбы застывшей лавы. Серые пустоши, засыпанные пеплом после извержений. Подобно Японии, Новая Зеландия – страна вулканов и землетрясений.

Гейзеры и киви

Мы побывали на озере Таупо. Вокруг него расположено большинство действующих вулканов страны, да и само озеро родилось в результате извержения. Проехали мимо геотермальной электростанции, использующей щедрое тепло недр. Любовались гейзерами: среди зарослей древовидных папоротников и другой пышной зелени из-под камней бьют струи белого пара и горячей воды. Видели кратер, полный серой грязи, которая булькала, как кипящая каша. Вверх взлетали крупные капли, напоминавшие жидкий бетон. Клубились паром горячие ручьи. На их берегах желтели отложения серы.

Туристским центром вулканического района стал городок Роторуа. Он славится сернистыми источниками и целебными грязями. Но главная его достопримечательность – долина гейзеров, зрелище, которое можно увидеть лишь на Камчатке, в Исландии или в Йеллоустонском национальном парке в США. Глядя на эти фонтаны, которые иногда будто бы включает чья-то невидимая рука, на клубы пара, пробивающегося меж пористых, как пемза, камней, понимаешь, почему на языке коренных жителей Новая Зеландия именуется Аотеароа – «Страна большого белого облака». Не случайно любимое национальное кушанье маорийцев – это мясо или овощи, сваренные в кипящей воде гейзеров.

Первооткрывателем Новой Зеландии стал в 1642 году голландец Тасман. А первым европейцем, ступившим на ее землю в 1769 году, был англичанин Кук. Когда в 1840 году страна была объявлена британским протекторатом, ее коренное население составляло около 150 тысяч человек. Сейчас в Новой Зеландии насчитывается свыше 300 тысяч маорийцев. Это девять процентов населения. Зато среди безработных – их 20, а среди заключенных – 49 процентов. Эта этническая группа наиболее заметна к северу от озера Таупо, особенно в районе Окленда, где к тому же осело около ста тысяч полинезийцев. Те и другие чаще всего заняты тяжелым, неквалифицированным трудом. В остальном же из-за жестких иммиграционных законов Новая Зеландия остается на редкость «белой» страной. Там почти нет индийцев, арабов, китайцев. Восемьдесят семь процентов жителей – потомки выходцев из Европы, главным образом из Великобритании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.